

265
142

Э. дю-Буа-Реймонъ.

801-14
1944

МЫСЛИ ЛЕЙБНИЦА
ВЪ НОВѢЙШЕМЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІИ.

ГЁТЕ и ГЁТЕ—БЕЗЪ КОНЦА!

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

подъ редакціей

С. И. ЕРШОВА.

ЦѢНА 30 КОП.

Изданіе Н. В. СИНЮШИНА.

МОСКВА.

Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля,

преемн. Э. Лисснера и Ю. Романа.

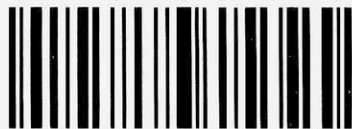
Воздвиженка, Крестово-Воздвиженскій пер., д. Лисснера.

1900.

Дозволено цензурой. Москва, 11 марта 1900 г.

82294-0

2011119720

МЫСЛИ ЛЕЙБНИЦА ВЪ НОВѢЙШЕМЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІИ.

Рѣчь, произнесенная въ лейбницевскомъ засѣданіи Академіи Наукъ
7 іюля 1870 г.

Scilicet immenso superest ex nomine multum).*
Лукапъ, Фарсалия.

Кантъ былъ послѣднимъ въ ряду тѣхъ философовъ, которые еще вполне располагали естественнонаучными познаніями своего времени и сами принимали участіе въ работѣ естествоиспытателей. Лейбницъ, напротивъ, настолько великъ какъ представитель математической физики, что продолжалъ бы быть однимъ изъ сильнѣйшихъ умовъ даже въ томъ случаѣ, если бы мы обошли молчаніемъ и совершенно ни во что не ставили его труды въ области, называемой нами философіей въ собственномъ смыслѣ слова. И было бы заблужденіемъ выводить соединеніе у Лейбница физико-математическаго направленія съ умозрительно-философскимъ изъ полигисторской наклонности, которая побуждала его заниматься также юридическими вопросами, изученіемъ дипломатическихъ актовъ и филологическихъ изысканіями. Если бы эти разнородныя вещи были соединены въ его умѣ чисто виѣшнимъ образомъ, зависящимъ отъ случая и настроенія, тогда Лейбницъ не былъ бы достойнымъ героемъ того почитанія, какое ему съ одинаковымъ усердіемъ оказываютъ оба отдѣленія нашей академіи. У него было не многознаніе, а всестороннее и

*) Конечно, отъ безмѣрной славы остается многое.

полное знаніе, насколько оно доступно человѣку, и для него процессъ пониманія и познанія постоянно былъ въ то же время творческимъ актомъ. Какъ насѣкомое, собирая медъ, переноситъ пыльцу съ цвѣтка на цвѣтокъ, такъ и его подвижной умъ, переходя отъ одной науки къ другой, оказывалъ плодотворное вліяніе даже въ тѣхъ областяхъ, которыхъ онъ, повидимому, касался лишь слегка.

Поэтому его философія была тѣсно связана съ его физико-математическими воззрѣніями, какъ и у его предшественника Декарта. Новая тогда въ математикѣ и частью имъ же открытыя понятія о бесконечно-малыхъ различнаго порядка и о постоянныхъ величинахъ перешли въ его метафизику, и въ его доказательствахъ, дедукціяхъ, построенияхъ, въ избираемыхъ имъ примѣрахъ и сравненіяхъ всегда виденъ математически направленный и дисциплинированный умъ.

Было замѣчено, что философскія произведенія Лейбница, при всей глубинѣ своего содержанія, написаны довольно популярнымъ языкомъ; это объясняли тѣмъ, что произведенія эти по большей части были сочиненіями на случай — письмами или разъясненіями для высокихъ покровителей и покровительницъ, ради которыхъ Лейбницъ старался быть какъ можно болѣе понятнымъ. Его посмертные *Новые опыты о человеческомъ разумѣ*, имѣющіе иное происхожденіе, отчасти дѣйствительно отличаются болѣею трудностью; но истинную причину ясности его изложенія все-таки слѣдуетъ искать въ математическомъ характерѣ его мышленія.

Если оцѣнивать плоды этого соединенія философій съ математикой и физикой съ современной точки зрѣнія, то при чтеніи Лейбница, равно какъ и Декарта, часто бываетъ невозможно освободиться отъ чувства изумленія и разочарованія. Его сочиненія богаты счастливыми проникновеніями въ отдаленное будущее, но въ такихъ угадываніяхъ сказывается скорѣе его прирожденный гений, чѣмъ сила методовъ его мышленія. Для послѣднихъ пробнымъ камнемъ могутъ служить его систематическіе трактаты, и здѣсь результатъ нерѣдко оказывается столь неудовлетворительнымъ, выводы, при

всей своей формальной строгости, столь рискованными, а построеніе нагроможденныхъ другъ на друга положеній столь произвольнымъ, что начинаешь сомнѣваться, дѣйствительно ли рѣчь идетъ здѣсь объ истинѣ, или это просто игра блестящаго остроумія. Становишься въ недоумѣніе, правда ли — какъ это можно было бы думать — вина за подобнаго же рода недостатки у преемниковъ Канта падаетъ на возрастающее отчужденіе между философіей и естествознаніемъ.

Но для объясненія этихъ недостатковъ у Декарта и Лейбница можно привести двѣ причины, которыя не могутъ въ той же мѣрѣ служить оправданіемъ для новѣйшихъ философовъ.

Во-первыхъ, во времена Лейбница, а тѣмъ болѣе при Декартѣ, на воспитаніе человѣческаго ума только еще начинало вліять экспериментальное изслѣдованіе природы, которое одно въ состояніи внушить ему спасительное недовѣріе къ своимъ силамъ, необходимое уваженіе къ фактамъ и объективное отношеніе къ ихъ значенію, разумное смиреніе передъ неразрѣшимыми вопросами.

Другимъ источникомъ зла для Лейбница была теологія, еще всецѣло державшая его эпоху въ своихъ оковахъ, всюду совавшая свои предположенія и преграждавшая путь всякому безпристрастному сужденію. Нужна была еще умственная работа всего XVIII столѣтія, чтобы освободить человѣческій духъ отъ той невзрачной личинной оболочки, въ какую онъ былъ заключенъ болѣе тысячелѣтія; вотъ почему физика и математика Лейбница еще стѣснены узкими теологическими рамками. Свобода отъ предвзятыхъ мнѣній, первое условіе нашего философскаго мышленія, ему неизвѣстна и отсутствуетъ у него въ такой же мѣрѣ, какъ и у Декарта, у котораго въ *Разсужденіи о методѣ* (Discours de la Méthode) онтологическое доказательство бытія Божія звучитъ не менѣе рѣзкимъ диссонансомъ, чѣмъ его столь самодовольно изложенная и удивительно невѣрная теорія кровообращенія. Правда, Лейбницъ установилъ два великіе принципа — достаточнаго основанія и непрерывности, но въ то же время у него получаетъ

значеніе достаточнаго основанія воля Бога, свободная, т.-е. дѣйствующая безъ всякаго такого основанія, а твореніе и чудо нарушаютъ его законъ непрерывности. Прекраснымъ образчикомъ злоупотребленія теологической точкой зрѣнія служитъ у Лейбница его доказательство невозможности того, чтобы существовало пустое пространство. „Я признаю“, говоритъ онъ, „что въ вещи вложено все то совершенство, какое Богъ могъ вложить въ нихъ, не нарушая совершенства остальныхъ вещей. Представимъ себѣ совершенно пустое пространство. Богъ могъ помѣстить туда матерію, не нанося этимъ никакого ущерба прочимъ вещамъ; слѣдовательно, онъ и помѣстилъ ее туда, слѣдовательно не существуетъ пустого пространства, слѣдовательно все заполнено“. Подобнымъ же образомъ доказываетъ Лейбницъ безконечную дѣлимость матеріи, или несуществованіе атомовъ. Лейбницъ первый далъ правильное выраженіе ученію о сохраненіи силы, господствующему въ современномъ мировоззрѣніи, и сравненіе, какимъ онъ пользуется для поясненія перехода движенія массъ въ движеніе молекулярное, именно — размѣръ крупной монеты на мелкія деньги, замѣчательно удачно. Однако для него, какъ и для Декарта, постоянство силы есть лишь проявленіе божественной воли.

Несестественность такого соединенія умозрительной теологии съ математикой нигдѣ не сказывается у Лейбница съ такой рѣзкостью, какъ въ основной мысли его *Теодицеи*. Уже съ дѣтскихъ лѣтъ, какъ онъ самъ сообщаетъ, его мучила загадка перваго появленія въ мірѣ метафизическаго, физическаго и нравственнаго зла — несовершенства, страданія и грѣха, такъ какъ вѣдь Богъ, будучи всеблагимъ и всемогущимъ, не могъ бы, повидимому, создать этого зла. Такого же рода сомнѣнія были возбуждены сочиненіями Бейля въ прусской королевѣ Софіи-Шарлоттѣ, которая и обратилась за разъясненіями къ Лейбницу. Извѣстно, что именно ему теорія максимумовъ и минимумовъ функций была обязана своимъ наибольшимъ успѣхомъ благодаря открытому имъ методу касательныхъ. И онъ умѣлъ уже рѣшать подобныя же задачи

на появившееся въ послѣдствіи варіаціонное исчисленіе, находитъ функцію, при которой величина достигаетъ своего максимума или минимума. Такъ вотъ онъ воображаетъ себѣ Бога при сотвореніи міра подобнымъ математику, рѣшающему задачу на максимумъ, — задачу, въ какомъ изъ безчисленнаго множества возможныхъ, но еще не созданныхъ, а лишь предполагаемыхъ Ему міровъ отношеніе добра къ неизбѣжному злу представляло бы изъ себя максимумъ, подобно тому, какъ опредѣляютъ кратчайшее разстояніе между двумя точками, наибольшую поверхность при равномъ объемѣ, кривую наибольшей скорости паденія. Этому наилучшему изъ возможныхъ міровъ Богъ и далъ бытіе: это — тотъ міръ, въ которомъ мы живемъ.

Немногія изъ умозрительныхъ мыслей оказали на литературу столь непосредственное вліяніе, какъ эта. Она занимала умы даже во второй половинѣ XVIII столѣтія. Между тѣмъ какъ Поппъ въ своемъ *Опытѣ о человѣкѣ* (Essay on Man) далъ ей своеобразное поэтическое выраженіе, Вольтеръ сдѣлалъ ее мишенью своей сокрушительной насмѣшки. Въ своемъ философскомъ романѣ *Кандидъ* онъ противопоставляетъ лейбницево оптимизму доводы въ родѣ тѣхъ, какими Діогенъ опровергалъ софистовъ, отрицавшихъ движеніе. Чтобы осмѣять утвержденіе, будто мы живемъ въ наилучшемъ изъ міровъ, онъ изображаетъ человѣка игрушкой въ рукахъ безсмысленнаго случая и на примѣрѣ постигшаго въ то время Лиссабонъ землетрясенія показываетъ, какъ ужасныя несчастія обрушиваются на неповинныхъ людей. Примиренія же и утѣшенія онъ учитъ искать не въ созерцаніи Божества и въ ожиданіи будущей загробной жизни, а въ смиреніи и трудѣ — мысль, которую много разъ развивалъ въ послѣдствіи Гёте.

Не насмѣхаясь вмѣстѣ съ Вольтеромъ надъ мыслью *Теодицеи*, мы не можемъ однако, несмотря на всѣ дальнѣйшія ея разъясненія, не обратить вниманія на то, что вѣдь (какъ это самъ Лейбницъ зналъ лучше всякаго другаго) каждая задача на максимумъ и минимумъ предполагаетъ зависящую отъ извѣстныхъ условій непрерывную измѣнчивость въ зна-

ченіи функціи или даже въ самой функціи. Такимъ образомъ, подлежащая рѣшенію задача не разрѣшается, а только получаетъ другую форму, именно — какъ согласовать съ абсолютной природой Бога то, что ему еще до существованія міра были предписаны какія-то условія, совершенно противорѣчащія его сущности?

Первоосновой всѣхъ явленій Лейбницъ считаетъ монады, простыя субстанціи въ метафизическомъ смыслѣ слова, непротяженныя, но все-таки существующія въ пространствѣ, самодѣятельныя, но не проявляющія своей дѣятельности вовнѣ и недоступныя для внѣшнихъ воздѣйствій. Монады, подобно ординатамъ кривой, возрастающимъ отъ нуля до безконечности, образуютъ непрерывно развивающійся рядъ отъ ничего до Бога, Который Самъ есть высшая монада. Съ нѣкотораго пункта монады начинаютъ обладать сознаниемъ, которое у высшихъ членовъ ряда постепенно достигаетъ все высшихъ ступеней духовной дѣятельности. Человѣческія душевныя монады занимаютъ среднее мѣсто между таковыми же монадами животныхъ и ангеловъ. Сверхъ того, какъ мы уже видѣли, въ пространствѣ нигдѣ нѣтъ пустоты, но каждая мельчайшая часть его безконечно заполнена существами; поэтому каждая матеріальная точка, все равно — одушевленнаго или неодушевленнаго тѣла, скрываетъ въ себѣ цѣлый міръ монадъ.

Такъ какъ монады, будучи простыми существами, не образуются черезъ сложение и не погибаютъ черезъ разложеніе, то Лейбницъ заключаетъ отсюда, что Богъ разомъ вызвалъ ихъ къ существованію, и что уничтожить ихъ онъ точно такъ же можетъ лишь внезапно. Такъ какъ монады не подвержены внѣшнимъ воздѣйствіямъ и сами не дѣйствуютъ вовнѣ, или — какъ выражается Лейбницъ на своемъ живомъ, образномъ языкѣ — такъ какъ у нихъ нѣтъ оконъ, сквозь которыя могло бы что-нибудь въ нихъ проникнуть или изъ нихъ выйти, то отсюда вытекаетъ, по Лейбницу, что въ душевныхъ монадахъ происходитъ смѣна представленій, точно соотвѣтствующая тѣмъ внѣшнимъ условіямъ, въ какія онѣ

попадаютъ. Если я вижу и слышу лающую собаку и наношу ей удары, то въ этомъ случаѣ дѣло не въ какихъ-либо извѣстіяхъ, которыя идутъ отъ моихъ органовъ чувствъ до мѣстопробыванія моего сознания и указываютъ мнѣ на присутствіе лающей собаки и на ея желаніе укусить меня, и тутъ нѣтъ какихъ-либо волевыхъ импульсовъ со стороны моей души на нервы и мускулы, приводящихъ въ движеніе мою руку и палку. Но это Богъ, создавая мою душевную монаду, создалъ ее такъ, что въ тотъ самый моментъ, когда собака отражается на моей сѣтчаткѣ, а ея лай потрясаетъ жидкость въ моемъ слуховомъ лабиринтѣ, монада эта въ смѣнѣ своихъ представленій приходитъ подъ вліяніемъ внутреннихъ причинъ какъ разъ къ представленію лающей собаки, и что она представляетъ себѣ мое тѣло бьющимъ собаку въ то именно мгновеніе, когда оно дѣйствительно исполняетъ это чисто механическимъ путемъ.

Вотъ въ чемъ заключается знаменитое ученіе Лейбница о предустановленной гармоніи; въ настоящее время намъ даже трудно представить себѣ, чтобы онъ могъ серьезно вѣрить въ это ученіе, а между тѣмъ онъ съ величайшей самонадѣянностью полагалъ, что разрѣшилъ здѣсь загадку связи между тѣломъ и духомъ. Можно, конечно, сказать, что онъ разрубилъ узелъ, заключающійся въ непостижимости того, какимъ образомъ нематеріальная душа воздѣйствуетъ на матеріальное тѣло и обратно, но давно уже никто болѣе не думаетъ, что онъ какъ слѣдуетъ распутать этотъ узелъ. Сущность духовныхъ процессовъ не станетъ понятнѣе, если мы вообразимъ себѣ, что они сами собою развертываются въ монадахъ; напротивъ, на мѣсто устраненнаго затрудненія, которое въ такой формѣ все-таки состоитъ лишь въ противорѣчій произвольно образованныхъ понятій, выступаетъ новое, состоящее въ томъ, что духовные процессы признаются совершенно независимыми отъ какой-либо причинности. На самомъ дѣлѣ Лейбницъ не допускаетъ въ мірѣ монадъ никакихъ другихъ опредѣленій кромѣ обусловливаемыхъ конечными причинами, изгнаніе которыхъ изъ нашего міровоззрѣнія служить

цѣлью теоретическаго естествовѣдѣнія. И въ то время какъ, по его ученію, духовныя явленія направляются цѣлями, онъ даже не задаетъ себѣ вопроса о томъ, для чего же былъ созданъ весь тѣлесный міръ, а особенно — къ чему эти удивительно искусно устроенные органы чувствъ и органы движенія: вѣдь ни первые не оказываютъ никакого вліянія на процессы духовнаго міра, ни вторые ни зачѣмъ ему пригодиться не могутъ.

Если сегодня, въ день чествованія памяти великаго чело-вѣка, здѣсь говорится объ его ошибкахъ, то это дѣлается безъ всякаго намѣренія его унизить. Напротивъ, знакомство съ заблужденіями такого ума скорѣе можетъ насъ самихъ научить скромности. Лейбницъ, который такъ любилъ называть себя авторомъ системы предустановленной гармоніи (*l'Auteur du Système de l'Harmonie préétablie*) и съ очевиднымъ удовольствіемъ пускался въ теологическія тонкости — и это въ періодъ полного расцвѣта силъ, а не въ старости и болѣзни, какъ Ньютонъ, — былъ въ то же время соперникомъ Ньютона въ открытіи одного изъ самыхъ мощныхъ орудій чело-вѣческаго ума. Это былъ тотъ чело-вѣкъ, о которомъ Дидро, самъ принадлежавшій къ даровитѣйшимъ патурамъ, пишетъ: „Если оглянуться на самого себя и сравнить таланты, которыми обладаешь, съ талантами такого чело-вѣка, какъ Лейбницъ, то чувствуешь искушеніе бросить всѣ книги и уйти въ какой-нибудь укромный уголокъ вселенной, чтобы спокойно дожить тамъ свой вѣкъ“. Такимъ путемъ приходимъ мы къ пониманію того, что гордая высота, на какой мы себя воображаемъ, есть не наша заслуга, а заслуга нашей эпохи, и что, быть можетъ, нашимъ потомкамъ, при свѣтѣ современнаго имъ знанія, покажутся когда-нибудь нелѣпыми наши лучшія воззрѣнія.

Но напоминаніе объ этихъ вещахъ поучительно еще въ другомъ отношеніи. Философскія системы, какъ и книги, имѣютъ свою судьбу. Испытавъ уже общій жребій чело-вѣческихъ мнѣній, бывъ объектомъ вѣры и нападокъ, восхваленій и осмѣяній, вытѣсненные наконецъ подобными же системами

и какъ будто забытыя, онѣ все еще могутъ, хотя и въ скрытомъ состояніи, сохраняться въ сознаніи послѣдующихъ поколѣній. Случается, что системы эти вновь появляются по прошествіи многихъ лѣтъ, невѣрно понятыя, продолжая существовать лишь въ своихъ формахъ, заполненныхъ инымъ содержаніемъ, и въ благоприятныхъ случаяхъ завоевываютъ наконецъ въ такомъ измѣненномъ видѣ прочное мѣсто въ наукѣ. Въ нашемъ современномъ естествознаніи можно указать многіе подобные отголоски мыслей Лейбница, хотя бы они выступали здѣсь въ столь же искаженной формѣ, какъ планъ покоренія Египта, предложенный Лейбницемъ Людовику XIV, въ воинственныхъ похожденіяхъ Бонапарта или въ мирномъ подвигѣ де-Лессенса.

Ученіе о сохраненіи силы нельзя назвать просто только отголоскомъ, и потому оно не идетъ здѣсь въ счетъ. Точно такъ же едва ли было бы правильно признать подобную филиацію идей — употребляя это трудно переводимое французское выраженіе — между лейбницевскимъ оптимизмомъ и нашимъ теперешнимъ воззрѣніемъ, что органическая природа всегда достигаетъ наивысшаго совершенства, какое только возможно при имѣющихся въ данное время внѣшнихъ условіяхъ. Все же не мѣшаетъ, однако, установить взаимное отношеніе обоихъ этихъ ученій.

Съ точки зрѣнія математической физики не существуетъ большаго или меньшаго совершенства. При этой точкѣ зрѣнія, къ которой все болѣе и болѣе стремятся приблизиться и всѣ остальные отрасли теоретическаго естествознанія, хаосъ и космосъ отличаются другъ отъ друга только инымъ распре-дѣленіемъ тѣхъ же самыхъ массъ и силъ. Но существуетъ другой взглядъ на дѣло, рассматривающій макрокосмъ и микро-космъ какъ такія цѣлыя системы, части которыхъ являются болѣе или менѣе приспособленными для нѣкоторыхъ опре-дѣленныхъ дѣйствій, понимаемыхъ нами какъ цѣли. Въ этомъ случаѣ извѣстныя животныя и растительныя формы съ пер-ваго же взгляда представляются болѣе совершенными, чѣмъ другія, и долгое время могли существовать мнѣнія, будто

органическая природа постепенно дошла до все болѣе совершенныхъ формъ благодаря внутреннимъ причинамъ или благодаря повторнымъ вмѣшательствамъ творческой силы. Думали, что всѣ неуклюжія и странныя на видъ созданія, бывшія какъ бы первыми грубыми опытами творящей природы, погибли, чтобы уступить мѣсто выше развитымъ и болѣе удавшимся организмамъ. Послѣдователь дарвиновскаго ученія долженъ признать это воззрѣніе столь же несостоятельнымъ, какъ и то, по которому наша планета пережила будто бы нѣкогда героическую эпоху и, обладая тогда болѣе производительной силой, вызвала къ жизни мощные образы первобытнаго міра. Какъ скоро между свойствами органическихъ существъ и ихъ жизненными условіями установилось то отношеніе, которое можно назвать „равновѣсіемъ приспособленія“, міръ оказывается насколько лишь возможно совершеннымъ и остается таковымъ, если условія эти не измѣняются. Но при той медленности, съ какой обыкновенно происходитъ измѣненіе климатическихъ и физико-географическихъ условій на данной полосѣ земного шара, всегда бываетъ достаточно времени для установленія такого равновѣсія. Слѣдовательно, въ этомъ мірѣ по отношенію къ организаци растеній и животныхъ всегда и всюду сохраняется максимумъ совершенства; міръ этотъ во всѣ времена былъ и будетъ какъ разъ наилучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, пока только существуютъ животныя и растенія, и области ихъ распространенія не подвергаются внезапнымъ катастрофамъ. Что же касается несовершенствъ организаци, въ которыхъ нѣтъ недостатка, они служатъ выраженіемъ компромисса, состоявшагося между условіями внѣшняго міра и организаци, съ одной стороны, и необходимыми для существованія организма потребностями — съ другой. Эти несовершенства соотвѣтствуютъ злу въ лейбницевскомъ наилучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Вся совокупность этихъ отношеній всего лучше выражается тѣми словами, въ которыхъ Лейбницъ резюмируетъ свое собственное ученіе: „Хотя міръ всегда былъ одинаково совершеннымъ,

онъ никогда не будетъ совершеннымъ вполне (souverainement), потому что онъ непрерывно измѣняется и, приобретаая новыя совершенства, въ то же время утрачиваетъ другія“. Такимъ образомъ, оптимизмъ Лейбница примѣнимъ до нѣкоторой степени къ органической природѣ, такъ что, какъ это ни удивительно, механическое пониманіе природы, исключющее конечныя причины, въ концѣ концовъ приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и основная мысль теодицеи, неразрывно связанная съ телеологіей.

Ученіе о монадахъ, возобновленное въ болѣе очищенномъ видѣ Гербартомъ и въ этой формѣ лежащее внѣ сферы нашего обсужденія, оказало на естествознаніе значительное вліяніе, хотя послѣднее и обуславливалось исключительно недоразумѣніями и ложными аналогіями. Лейбницъ прямо предостерегалъ отъ смѣшенія его монадъ съ атомами другихъ философскихъ системъ. Но ученые и просто образованные люди XVIII столѣтія все-таки не всегда послѣдовательно проводили это различіе между непротяженными, безформенными метафизическими субстанціями въ пространствѣ и мельчайшими матеріальными частицами. Утвержденіе, что каждая точка даже пустого повидимому пространства, даже каждая частица живого тѣла заключаетъ въ себѣ міръ монадъ, было перенесено на матерію. Такой путаницѣ способствовали кой-какія выраженія самого Лейбница. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: „Всякую часть матеріи можно представить себѣ въ видѣ сада, полного растеніями, или пруда, полного рыбъ. Но всякая вѣтвь растенія, всякій членъ животнаго, всякая капля его соковъ въ свою очередь опять являетъ собою такой садъ или прудъ. И хотя земля и воздухъ между растеніями сада или вода между рыбами пруда не суть растеніе или рыба, они все-таки содержатъ въ себѣ еще нѣкоторое количество этихъ организмовъ, хотя по большей части недоступныхъ нашему воспріятію по своей незначительной величинѣ“. То, что было предназначено для духовнаго взора, хотѣли видѣть тѣлесными глазами, и если прямо не пытались открыть монадъ съ помощью микроскопа, то все же,

наблюдая, какъ каждая капля какого-нибудь пастоя кипитъ подъ микроскопомъ мельчайшими существами повидимому самой простой организаціи, думали, что это и есть монада или нѣчто имъ подобное. То обстоятельство, что Отто-Фридрихъ Мюллеръ, одинъ изъ самыхъ выдающихся предшественниковъ Эренберга, ввелъ для этого рода формъ въ зоологическую номенклатуру наименованіе *Monas*, было лишь одной изъ тѣхъ терминологическихъ шутокъ, какія и у Линнея пріятно оживляютъ иногда сухость системы; тѣмъ не менѣе этотъ намекъ указывать на существовавшее тогда направленіе умовъ, которое у людей съ богатой фантазіей вело къ грубымъ ошибкамъ.

Такъ случилось съ Бюффономъ. Онъ видѣлъ въ инфузоріяхъ и сперматозоидахъ живыя, непрерывно дѣятельныя, не погибающія отъ огня и гніенія органическія первичастицы. Подобно тому, какъ кубъ поваренной соли состоитъ изъ безчисленнаго количества микроскопическихъ кубиковъ, такъ и эти первичныя частицы при процессахъ возникновенія, питанія и роста у животныхъ и растений прекращають, будто бы, свою отдѣльную жизнь и слагаются въ разнообразные организмы, объединенная жизнь которыхъ есть сумма этихъ отдѣльныхъ жизней. Эти мнимыя органическія первичастицы не носили у Бюффона названія монадъ, и онъ даже совсѣмъ не упоминаетъ по этому поводу о Лейбницѣ. Однако въ его воззрѣніи нельзя не признать какъ бы матеріализованной мысли Лейбница, и быть можетъ, Бюффонъ нарочно избѣгалъ указаній на первоисточникъ своего ученія, такъ какъ это не послужило бы послѣднему хорошей рекомендаціей въ то время, когда во Франціи авторитетъ лейбницевской философіи былъ уже подорванъ Вольтеромъ.

Изъ положенія, что монады созданы съ самаго начала, для самого Лейбница непосредственно слѣдовало ученіе о предобразованіи, по которому, напримѣръ, всѣ куры были заложены уже въ яичникахъ первой курицы, содержась въ яичникахъ одна другой и становясь постепенно все меньше и меньше. Теорія предначертанія (*Praedelineations-Theorie*), нашедшая

себѣ въ открытіи сперматозоидовъ могущественную эмпирическую поддержку, получила, такимъ образомъ, отъ Лейбница очень важное въ то время метафизическое обоснованіе, которое несомнѣнно сдѣлало болѣе трудной побѣду эпигенезиса, одержанную лишь столѣтіе спустя Каспаромъ-Фридрихомъ Вольфомъ. Съ другой стороны, ученіе о монадахъ послѣдовательно привело Лейбница къ отрицанію возможности первичнаго зарожденія.

Относительно обоихъ этихъ пунктовъ Бюффонъ думалъ иначе. По его мнѣнію, зародышъ образуется изъ органическихъ первичастицъ, которыя въ избыткѣ восприняты при питаніи и какъ бы отливаются во внутренней формѣ (*moule intérieur*), подобно тому какъ гипсъ и металлъ отливаются въ формѣ внѣшней. Теорія Бюффона тоже не допускала, чтобы первичастицы продолжали образоваться до настоящаго времени, но она заставила своего автора вѣрить въ неправильные опыты Нидгэма относительно первичнаго зарожденія, вѣрить въ томъ смыслѣ, что будто бы первичастицы могутъ слагаться въ болѣе значительные организмы, клейстерныя угрицы. Такимъ образомъ, когда Лаццаро Спалланцани опровергъ утвержденія Нидгэма, пошатнулось и ученіе Бюффона; въ то же время противъ него выступилъ Бонне, котораго можно назвать женевскимъ Бюффономъ: онъ явился защитникомъ теоріи предначертанія, хотя его собственные первичные зародыши (*germes primitifs*) и представляли изъ себя не что иное, какъ замаскированныя монады Лейбница.

Семьдесятъ лѣтъ спустя, когда Робертъ Браунъ открылъ названное по его имени движеніе маленькихъ частицъ, подвѣшенныхъ въ капельныхъ жидкостяхъ, ученіе Бюффона снова вышло на свѣтъ, чтобы тотчасъ же опять потерпѣть крушеніе. Браунъ думалъ, что онъ нашелъ одушевленныхъ, даже и въ огнѣ не разрушающихся первичастицы всѣхъ органическихъ и неорганическихъ тѣлъ, совершенно подобно тому, какъ воображалъ ихъ себѣ Бюффонъ, о которомъ, впрочемъ, Браунъ, какъ о монадахъ, совсѣмъ не упоминаетъ. Зиг. Шульце, бывший тогда профессоромъ въ Фрейбургѣ, устано-

вить историческую связь, соединяющую представление Брауна съ лейбницевской монадологіей. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказалъ, что брауновское дрожательное движеніе частицъ исходить не отъ нихъ самихъ, а только свидѣтельствуешь о дрожательномъ движеніи капельной жидкости. Въ послѣднее время Христіанъ Винеръ и Зигмундъ Экснеръ пытались показать вѣроятность того, что это дрожательное движеніе жидкости тождественно съ ея тепловыми колебаніями, къ которымъ колебанія частицъ могутъ относиться такъ же, какъ медленныя колебанія большого корабля относятся къ низкимъ волнамъ моря.

Итакъ, дѣятельныя молекулы (*actives molecules*) Роберта Брауна опять-таки не были одушевленными первочастицами организмовъ. То обстоятельство, что такой ученый, какъ онъ, могъ впасть въ подобную ошибку, показываетъ, какіе глубокіе корни пустило убѣжденіе въ необходимомъ существованіи такихъ частицъ. Господствовавшему тогда витализму казалось, что дѣло жипзненныхъ силъ, которыми пользовались для объясненія чудесъ организациі, будетъ облегчено, если мы какъ бы увеличимъ число этаповъ, уменьшивъ размѣры той области, гдѣ онѣ въ борьбѣ съ враждебными неорганическими силами должны осуществлять свои органическія задачи. Окенъ, Гейзингеръ, Пуркинѣ и І. Карлъ Майеръ (въ Боннѣ) точно такъ же признавали теоретически существованіе органическихъ первочастицъ, въ которыхъ царить энтелехія, и которыя они называли монадами, а нѣкоторые, какъ и Бюффонтъ, приписывали имъ самостоятельную жизнь, какую можно наблюдать у инфузорій и сперматозоидовъ. Подобнаго же рода мнѣнія мы встрѣчаемъ за это время и во Франціи — у Распайля и Дютроше.

Извѣстно, какимъ образомъ, лишь послѣ серьезныхъ работъ цѣлаго десятилѣтія, производившихся съ усовершенствованнымъ микроскопомъ, мысль объ органическихъ первочастицахъ была оправдана, наконецъ, составившими эпоху *изысканія* Шванна. Всякій организмъ мы дѣйствительно считаемъ теперь за агрегатъ большаго или меньшаго количества отдѣль-

ныхъ мелкихъ существъ, свойства которыхъ почти такъ же повторяютъ свойства всего организма, какъ свойства составляющихъ кристаллъ молекулъ повторяютъ свойства этого кристалла; эти маленькія существа самостоятельно питаются, преобразуются, движутся, размножаются, и сумма ихъ нормальныхъ и ненормальныхъ измѣненій производитъ соотвѣтствующія измѣненія въ цѣломъ организмѣ. Согласно предложенію Брюкке, мы называемъ эти существа элементарными организмами — обозначеніе, совершенно не затрагивающее всѣхъ гипотетическихъ и спорныхъ сторонъ въ ихъ природѣ. И, конечно, пока у насъ нѣтъ ничего лучшаго, мы будемъ придерживаться взгляда, проводимаго Шванномъ въ его *Теоріи клѣтокъ*, быть можетъ не совсѣмъ удачной въ частностяхъ, но въ общемъ, задуманной глубоко и вѣрно, именно, что измѣненія въ элементарныхъ организмахъ однородны съ процессами неорганической природы. Для объясненія ихъ мы прибѣгаемъ вмѣсто энтелехій къ неизмѣннымъ силамъ атомовъ, а ихъ особенность выводимъ изъ особаго соединенія матеріи въ организмахъ. Въ глазахъ Шванна клѣтки уже не имѣли ничего общаго съ монадами. Тѣмъ не менѣе, готовностью, съ какой было принято ученіе о клѣткахъ, оно отчасти было обязано тому обстоятельству, что для многихъ въ немъ какъ бы получила себѣ тѣлесную оболочку никогда не забывавшаяся совершенно мысль Лейбница; и Іоганнъ Мюллеръ, съ наибольшей горячностью ухватившійся за это ученіе и всего усерднѣе его проповѣдывавшій, настолько ясно сознавалъ эту связь, что въ своемъ руководствѣ физиологіи, ссылаясь на лейбнице-гербартовскую монадологію, предложилъ для клѣтокъ наименованіе „органическихъ монадъ“. На томъ же историческомъ основаніи пользовался этимъ названіемъ и Генле при первомъ теоретическомъ изложеніи ученія о клѣткахъ въ своей *Общей анатоміи*.

Лейбницевская предустановленная гармонія стояла въ прямой противоположности къ аристотелевскому или локковскому ученію, что душа первоначально бываетъ *tabula rasa*, на которую представленія лишь постепенно наносятся благодари

чувственнымъ воспріятіямъ. *Новые опыты (Nouveaux Essais)* Лейбница, какъ показываетъ само это названіе, даже прямо имѣли своею цѣлью критику сенсуализма. Этой своей стороной предустановленная гармонія, какъ она рисовалась Лейбницу, до сихъ поръ продолжаетъ жить и дѣйствовать въ наукѣ. Физиологія употребляетъ это выраженіе также для обозначенія не объясненнаго еще цѣлесообразнаго вмѣшательства однихъ процессовъ животнаго тѣла въ другіе, какъ, напр., приходится признавать такое вмѣшательство, объясняя рефлекторными механизмами цѣлесообразныя движенія у лишенныхъ головного мозга животныхъ, если мы не пожелаемъ приписать, вмѣстѣ съ Пфлюгеромъ, сенсорныхъ функций спинному мозгу. Но обыкновенно подъ предустановленной гармоніей понимается просто ученіе о существованіи врожденныхъ представленій и категорій разсудка, соотвѣствующихъ внѣшнему міру.

Здѣсь не время и не мѣсто хотя бы даже для краткихъ указаній на ходъ спора, который велся со времени Лейбница относительно этого ученія. Надо только отмѣтить отношеніе къ этому вопросу со стороны новѣйшей физиологіи. Анализъ чувственныхъ воспріятій, который для физиологовъ привычнѣе, чѣмъ для умозрительныхъ философовъ, заставилъ первыхъ по большей части примкнуть къ воззрѣнію Локка. Уже Іоганнъ Мюллеръ въ прекрасной статьѣ высказался противъ врожденныхъ кантовскихъ категорій и за то мнѣніе, что единственная основная способность человѣческаго ума состоитъ въ образованіи общихъ понятій изъ доставляемыхъ чувствами представленій; животные, напротивъ, не идутъ далѣе ассоціаціи одновременно повторяющихся впечатлѣній, каковыми являются, напр., для собаки палка и удары, надѣваніе шляпы хозяиномъ и прогулка. Даже понятіе причинности нѣтъ нужды считать врожденнымъ: можно думать, что обобщающій разсудокъ выводитъ его изъ регулярной связи представленій.

Къ подобнаго же рода выводамъ пришелъ за послѣднее время Гельмгольцъ, когда при своихъ работахъ по физио-

логической оптикѣ онъ натолкнулся на старинный вопросъ о происхожденіи представленія пространства. Гельмгольцъ противопоставляетъ другъ другу оба ученія — о врожденномъ и о пріобрѣтенномъ представленіи — подъ наименованіемъ нативистической и эмпиристической теорій. Онъ настаиваетъ на томъ, что пока не доказана невозможность обойтись съ помощью эмпиризма, нативизмъ долженъ быть отвергнутъ, какъ нѣчто необъяснимое. Что касается въ частности значенія изображеній на нашей сѣтчаткѣ, то доводы Гельмгольца не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, при допущеніи способности образовывать общія понятія, представленіе пространства можетъ возникнуть какъ результатъ совмѣстнаго дѣйствія этихъ изображеній съ дѣйствіемъ осязательныхъ ощущеній и движеній. Какъ въ послѣдующее время жизни мы, очевидно, для всѣхъ учимся ходить и говорить, такъ первые ея мѣсяцы идутъ на изученіе не менѣе трудныхъ искусствъ пользованія глазами и руками. Проблема Молине относительно того, будетъ ли въ состояніи слѣпорожденный, ставши зрячимъ, отличить шаръ отъ куба, которые раньше онъ умѣлъ различать съ помощью осязанія, разрѣшается, повидимому, благодаря нѣкоторымъ наблюденіямъ, особенно же старому случаю Чезельдена и нѣсколько болѣе новому — Вордропы, въ томъ смыслѣ, что оперированный истолковываетъ свои зрительныя впечатлѣнія лишь весьма несовершеннымъ образомъ.

Математическія изысканія Римана, Гельмгольца и др. относительно фактовъ, лежащихъ въ основѣ геометріи, послужили новой поддержкой разсматриваемому взгляду. Они показали, что логически мыслимы комплексы величинъ, обладающіе существенными свойствами пространства, и которые, однако, не представляютъ собою нашего обычнаго пространства съ его тремя измѣреніями. Отсюда — выводъ, что представленіе этого пространства не можетъ быть врожденнымъ, а должно быть пріобрѣтеннымъ.

Рядъ проблемъ, сродныхъ вопросу о врожденныхъ представленіяхъ, возникаетъ по поводу ощущеній удовольствія

и неудовольствія, вызываемыхъ болѣе безразличными сами по себѣ чувственными впечатлѣніями, а также по поводу инстинктивныхъ стремленій. И здѣсь дѣло идетъ о томъ, съ самаго ли начала заложены въ душу сужденіе о прекрасномъ и отвратительномъ, о пріятномъ и противномъ и стремленіе къ опредѣленнымъ поступкамъ, или же можно указать причины, которыми, хотя и бессознательно для насъ, направляется наше чувство и наша дѣятельность.

Подобную загадку имѣемъ мы въ дѣйствіи одновременныхъ или слѣдующихъ другъ за другомъ тоновъ въ гармоніи и мелодіи. Въ своемъ удивительномъ произведеніи объ ощущеніи тоновъ Гельмгольцъ попытался установить достаточное основаніе для различія, какое дѣлается нашимъ ухомъ между консонансомъ и диссонансомъ. Онъ показалъ, что обертоны тоновъ, у которыхъ числа колебаній относятся какъ простые числа, или совсѣмъ не даютъ другъ съ другомъ перебоевъ, или даютъ лишь такіе, которые еще не дѣлаютъ звуковъ непріятно грубыми для ощущенія, невыносимыми подобно пыланію огня и не приводятъ душу въ мучительное безпокойство беспорядочностью звуковой массы. Это рѣшеніе древней пифагорейской проблемы онъ распространилъ и на построеніе гаммъ, даже на мелодію, всюду выставляя сродство звуковъ условіемъ ихъ гармоничнаго сочетанія. Сродство это состоитъ въ томъ, что слѣдующіе другъ за другомъ звуки имѣютъ одинаковые обертоны — какъ бы риѣмуютъ другъ съ другомъ. Звуки, бѣдные обертонами (какъ, напр., у флейты), а тѣмъ болѣе простые тоны могутъ, по Гельмгольцу, давать мелодію только потому, что мы въ своемъ воображеніи бессознательно пополняемъ ихъ потребными обертонами.

Такимъ образомъ, мы знаемъ теперь, что одновременно звучащіе тоны съ простымъ отношеніемъ чиселъ ихъ колебаній не вызываютъ въ насъ непріятнаго побочнаго ощущенія, какъ тоны съ менѣе простымъ отношеніемъ колебаній. Но понимаемъ ли мы отъ этого, почему такіе тоны имѣютъ пріятное дѣйствіе? Почему восхищается мое ухо при томъ покойномъ теченіи, въ которомъ проходятъ другъ за другомъ

консонирующіе тоны? Что, наконецъ, касается мелодіи, то никакія подобныя объясненія не могутъ сдѣлать понятнымъ, почему одинъ рядъ тоновъ, расположенныхъ по извѣстному ритму, наполняетъ мое сердце мучительно сладкимъ волненіемъ, а другой — воспламеняетъ меня къ мужественному стремленію впередъ навстрѣчу опасностямъ. Объясненіе мелодіи, которое Дидро влагаетъ въ уста „племянника Рамо“, именно — что она есть подражаніе языку страсти, не такъ нелѣпо, какъ мнѣніе Галлера, полагавшаго, будто ободряющее дѣйствіе высокихъ и быстрыхъ тоновъ и угнетающее — тоновъ низкихъ и медленныхъ зависитъ отъ того, что въ радости мы издаемъ быстрые и высокіе, а въ печали медленные и низкіе тоны; но и объясненіе Дидро пригодно до извѣстной степени только для речитатива, который не есть мелодія. Положительное, пріятное дѣйствіе гармоніи и мелодіи, къ которому, особенно при послѣдней, присоединяется специфическое психическое состояніе, есть неисповѣдимая тайна, и довольно безразлично, выразимъ ли мы свое невѣжество въ этой формѣ, или же скажемъ, что между чувственными впечатлѣніями и душевными движеніями существуетъ предустановленная гармонія.

Опредѣленіе мелодіи у Дидро, тождественное съ опредѣленіемъ Руссо, принадлежитъ къ тому разряду поверхностныхъ рационалистическихъ объясненій, какъ и обычное въ прошломъ столѣтіи объясненіе любви изъ добродѣтелей любимаго предмета, опровергаемое аббатомъ Прево въ его *Манонъ Леско*, или объясненіе красоты пріятными изгибами гогартовской волнистой линіи, которая, однако, конечно не обуславливаетъ собой красоты мужского тѣла, а въ движеніи, у угря и змѣи, скорѣе даже производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Такъ же мало, какъ для дѣйствія мелодіи, мыслимо объясненіе и для той привлекательности, какую имѣютъ красивыя формы одного пола для другого, не говоря уже объ индивидуальныхъ склонностяхъ, изъ которыхъ возникаетъ любовь.

Но это особенно темныя проблемы, трудность которыхъ состоитъ, помимо всего другого, въ томъ, какъ изъ подлежа-

сихъ объясненію духовныхъ явленій выдѣлить ту долю участія, какая принадлежитъ въ нихъ нашему развитію и нашимъ прежнимъ впечатлѣніямъ. Понятія о музыкальной и пластической красотѣ такъ измѣнчивы, различаясь у разныхъ лицъ и у разныхъ народовъ, что рискованно было бы основывать признаніе предустановленной гармоніи на примѣрахъ, взятыхъ только изъ этой области. Если однако обратить вниманіе на то, какъ безчисленные, въ иныхъ отношеніяхъ очень тупыя, животныя въ самый короткій срокъ достигаютъ полнаго умѣнья пользоваться своими органами чувствъ и членами, какъ новорожденные телята и жеребята подходят къ сосцамъ своихъ матерей, все равно — руководствуются ли они при этомъ зрѣніемъ, или, какъ предполагаетъ Гельмгольцъ, обоняніемъ; если посмотрѣть, какъ бабочки и стрекозы поднимаются въ воздухъ на едва развернувшихся крыльяхъ, какъ цыплята клюютъ, а утица плаваютъ; если подумать о разнообразныхъ инстинктахъ, какіе въ извѣстное время жизни проявляются у каждаго индивидуума даннаго вида даже независимо отъ внѣшнихъ условій, на которыя они, повидимому, рассчитаны, и которыя одни могли бы ихъ вызвать: то начинаешь сомнѣваться въ возможности послѣдовательнаго проведенія эмпиристической точки зрѣнія и чувствуешь себя противъ воли вынужденнымъ признать предустановленную гармонию.

При такой подавляющей массѣ необъяснимаго не находишь уже никакой радости при уменьшеніи этой массы на ничтожно малую частицу благодаря тому, что мы въ одномъ отдѣльномъ случаѣ, относительно человѣческаго ребенка, съ большими усиліями опредѣляемъ, какимъ образомъ онъ путемъ бессознательно-сознательной дѣятельности можетъ достигать умѣнья вѣрно истолковывать свои чувственные впечатлѣнія, ориентироваться въ пространствѣ, двигать надлежащимъ образомъ своими членами и находить принципъ достаточнаго основанія. Въ строгомъ смыслѣ слова, нельзя считать эти знанія и способности за врожденные, т.-е. имѣющіяся уже налицо при самомъ рожденіи. Они могутъ еще отсутствовать

въ извѣстномъ возрастѣ и вдругъ проявиться потомъ, при чемъ ребенокъ не могъ приобрѣсти ихъ тѣмъ путемъ, какъ предполагаетъ эмпиристическая теорія. Возникновеніе памяти, половыхъ представленій и стремленій, наблюдавшееся Гёте развитіе специфическихъ талантовъ при отсутствіи упражненія и множество другихъ подобныхъ фактовъ свидѣтельствуютъ, повидимому, о томъ, что въ мозгу съ теченіемъ времени сами собою появляются условія для извѣстныхъ духовныхъ процессовъ, — условія, создаваемые ростомъ этого органа, точно такъ же, какъ это несомнѣнно происходитъ со стадіями развитія и дѣятельностью другихъ органовъ. Такимъ образомъ, межъ тѣмъ какъ у теленка еще во время утробной жизни мозгъ достигаетъ такого развитія, что новорожденное животное умѣетъ тотчасъ же ориентироваться въ пространствѣ, надлежащимъ образомъ передвигать свои ноги и сохранять равновѣсіе, у ребенка соотвѣтствующія способности развиваются лишь послѣ рожденія, въ первые мѣсяцы жизни. При такомъ взглядѣ на дѣло представленіе пространства и разсудочныя категоріи будутъ не врожденными и не приобрѣтенными, а самостоятельно и постепенно образующимися къ надлежащему времени при формировкѣ духа. Но для того, чтобы было понятно, почему слѣдующий, ставши зрячимъ, неправильно истолковываетъ свои зрительныя впечатлѣнія, слѣдуетъ, конечно, добавить, что для нормальнаго развитія зрительной области мозга нужны нормальныя зрительныя впечатлѣнія: въ аналогіяхъ къ этому нѣтъ недостатка.

Что касается того, какимъ образомъ связаны другъ съ другомъ духовные процессы и процессы, происходящіе въ мозгу, то мы ограничиваемся здѣсь тѣмъ предположеніемъ, что послѣдніе, повидимому, служатъ необходимымъ условіемъ для первыхъ. Хотя физиологія и представляетъ собой науку о ближайшихъ условіяхъ сознанія на землѣ, легко, однако, показать, что намъ никогда не удастся постичь мыслью даже хотя бы только первыхъ ступеней сознанія — удовольствія и неудовольствія.

Вотъ, слѣдовательно, въ какомъ смыслѣ можно еще говорить о предустановленной гармоніи между нашими представленіями и міромъ. Но прежде чѣмъ согласиться на признаніе ея даже въ этой формѣ, умѣстно будетъ посмотреть, не обусловливается ли эта, столь тяжелая для нашего разсудка уступка еще какими-нибудь другими соображеніями. Въдѣ во всякомъ случаѣ можно какъ будто думать, что повѣйшіе побѣдоносные шаги науки позволяютъ намъ дальше отодвинуть предѣлы нашего познанія и сдернуть съ предустановленной гармоніи тотъ покровъ сверхъестественнаго, который наброшенъ на нее еще Лейбницемъ.

Одинъ изъ основныхъ фактовъ, на которыхъ покоится дарвиновская теорія, есть возможность наслѣдованія всѣхъ мыслимыхъ тѣлесныхъ и духовныхъ особенностей и способностей, возникающихъ въ силу наклонности къ образованію разновидностей. Онѣ могутъ переходить на зародышъ, могутъ оставаться скрытыми въ теченіе долгихъ періодовъ развитія, чтобы вдругъ заявить себя во всей силѣ при наличности благоприятныхъ обстоятельствъ, какъ если бы онѣ были вызваны этими послѣдними; такого рода явленіе очень часто и наглядно приходится наблюдать относительно нѣкоторыхъ болѣзненныхъ задатковъ. Такимъ путемъ великій британскій мыслитель и изслѣдователь счастливо разрѣшилъ загадку многихъ иначе объяснимыхъ лишь съ помощью предустановленной гармоніи, т.-е. непостижимыхъ, инстинктовъ.

Развѣ нельзя думать, что и такъ называемыя врожденныя идеи представляютъ собой подобное же естественное наслѣдіе человѣческаго рода? Не здѣсь ли, пожалуй, лежитъ истинное рѣшеніе стараго спора между эмпиризмомъ и потивизмомъ, — рѣшеніе, которое въ то же время было бы примиреніемъ, такъ какъ обѣ стороны остались бы при немъ правыми? Въ самомъ дѣлѣ, взгляды этотъ, допуская предустановленную гармонію для челоѣческаго индивидуума, какъ въ области инстинктовъ онъ допускаетъ ее для отдѣльной пчелы или муравья, — для всего человѣческаго рода оставляетъ въ силѣ сенсуалистическую точку зрѣнія. Сверхъ того, этотъ взглядъ

имѣетъ еще слѣдующее преимущество. Ту трудную работу, какую, по мнѣнію специалистовъ, приходится исполнять отдѣльному ребенку въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ жизни, проводя къ тому же около $11\frac{1}{12}$ ихъ во снѣ, онъ раздѣляетъ между безчисленнымъ рядомъ поколѣній, которыя, увеличивая свои приобрѣтенія наслѣдованіемъ, одно за другимъ принимали участіе въ этой работѣ. Здѣсь ученіе Лейбница снова сталкивается съ ученіемъ Дарвина, чтобы со стороны формы получить отъ него подтвержденіе, со стороны же содержанія — потерпѣть пораженіе: такого рода предустановленная гармонія какъ бы захвачена въ механическій міровой процессъ.

Въ средневѣковыхъ италіанскихъ постройкахъ часто можно видѣть вдѣланными, какъ часть ихъ стѣнъ, остатки храмовъ уже исчезнувшей религіи. Мраморный архитравъ, лишенный своего назначенія, едва распознаваемый, на мгновеніе привлекаетъ къ себѣ вниманіе мыслящаго путника; ничего не замѣчая, проходитъ мимо толпа. Такъ и въ неприглядное съ виду, но прочное зданіе современной эмпирической науки вошли кое-какіе остатки блестящихъ, нѣкогда господствовавшихъ въ наукѣ умозрѣній, въ которыхъ наша эпоха не ищетъ уже себѣ спасенія. О многомъ, что мы, не всегда помня о происхожденіи нашихъ сокровищъ, называемъ своими, Лейбницъ, снова явившись черезъ двѣсти лѣтъ, могъ бы сказать съ увѣренностью въ своемъ духовномъ родоначалствѣ: вотъ духъ отъ духа моего и мысль отъ мыслей моихъ.

ГЁТЕ и ГЁТЕ—БЕЗЪ КОНЦА!

ГЁТЕ И ГЁТЕ — БЕЗЪ КОНЦА!

Рѣчь при вступленіи въ должность ректора, произнесенная въ актовомъ залѣ
Берлинскаго университета, 15 октября 1882 года.

*... И среди съ искусствъ и наукъ,
Какъ всегда, протестовать.*

Гёте.

Не знаю, насколько старо или ново нижеслѣдующее замѣчаніе — что же можно еще сказать дѣйствительно новаго о гётевскомъ *Фаустѣ*? — во всякомъ случаѣ разсмотрѣніе этого вопроса вполне уместно при академическомъ торжествѣ. Я говорю о томъ замѣчаніи, что герой современной національной поэмы у нѣмцевъ есть не коронованный смертный, гордо выступающій на вершинѣ человѣческаго величія, не воинъ-завоеватель, не странствующій рыцарь, не влюбленный искатель приключеній, не аскетъ, путешествующій въ своихъ владѣніяхъ по небу и аду; это, хотя онъ называется также лишь магистромъ и докторомъ, — университетскій профессоръ, нашъ коллега, хотя мы и не знаемъ въ точности, на какомъ онъ факультетѣ. Огромное впечатлѣніе, произведенное *Фаустомъ* на нѣмцевъ, не въ малой мѣрѣ — мы говоримъ это съ гордостью — зависѣло отъ того, что университетъ играетъ такую значительную роль въ нѣмецкой жизни.

Конечно, тѣ условія, въ какихъ изображается передъ нами *Фаустъ*, имѣютъ мало общаго съ жизнью новѣйшихъ нѣмецкихъ университетовъ. Чтобы живо представить себѣ профессора Генриха Фауста въ его готической кельѣ и его помощника (*felloio*) Вагнера, привлеченнаго звуками его мнимой декламациі, для этого надо перенестись въ Оксфордъ

или Кембриджъ, гдѣ еще до сихъ поръ во всей силѣ сохранились средневѣковыя формы. Если мы еще можемъ вообразить Фауста въ нашей собственной форменной одеждѣ, то ученику уже необходимо приписать студенческое платье, носимое въ этихъ англійскихъ городахъ. Въ иныхъ отношеніяхъ, конечно, фигура послѣдняго больше походитъ на добронравнаго нѣмецкаго фукса, только что вышедшаго изъ гимназій съ умомъ, подобнымъ свѣжевспаханному и ожидающему сѣятеля полю, чѣмъ на надменныхъ отпрысковъ властвующей надъ міромъ аристократіи, которые, по слухамъ, до недавняго времени читали въ коллегіяхъ Christ-Church или Trinity трагикомъ и Евклида, играли тамъ въ мячъ и занимались греблей, чтобы, быть можетъ, вскорѣ затѣмъ получить въ управленіе какую-нибудь индійскую провинцію величиною съ цѣлое нѣмецкое королевство.

Вся соль мефистофелевскихъ поученій, которыя такъ сбили съ толку ученика, какъ если бы у него вертѣлось въ головѣ мельничное колесо, заключается для насъ въ одностороннемъ подчеркиваніи нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ, отчасти естественно присущихъ различнымъ факультетамъ, отчасти привившихся имъ исторически. Прозрачная иронія этой насмѣшки дѣлаетъ ее мало опасной, особенно тамъ, гдѣ Мефистофель самъ воспламеняетъ свою злобу достойнымъ сдѣланнаго ему вопроса поворотомъ:

Ну, рѣчь педантская порядкомъ мнѣ пріѣлась:
Мнѣ сатаной опять явиться захотѣлось*).

Да и ядъ, вливаемый имъ въ ученика, содержитъ не въ томъ, въ чемъ онъ самъ его видитъ, — не въ древнемъ изреченіи, которымъ его „тетка-змѣя“ легко провела въ раю женское любопытство. Истинный ядъ для ученика лежитъ въ повидимому болѣе благороднымъ настроеніемъ вызванной и менѣе преднамѣренной сентенціи:

Сѣра, мой другъ, теорія всегда,
И далеко златое древо жизни.

*) Переводъ Холодковского.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни были справедливы эти слова въ извѣстныхъ предѣлахъ, для студента они не годятся: для него, учащагося, формирующагося, не должно еще цвѣсти златое древо творческой, наслаждающейся жизни. Въ какой бы области онъ ни работалъ, онъ только готовится къ дѣлу, и теорія не должна являться передъ нимъ сѣрой, не должна быть окрашена въ его глазахъ въ этотъ цвѣтъ. Пользуясь неогрѣненной привилегіей жить въ мірѣ идеальнаго, онъ несетъ также обязанность ограничиваться этимъ міромъ. На довѣріи къ соблюденію этихъ границъ зиждется наша драгоценная академическая свобода. Студентъ, какъ таковой, точно такъ же не долженъ вмѣшиваться въ политику, какъ онъ не долженъ учительствовать или практиковать. Ему достаточно горячо любить свое отечество, за которое, быть можетъ, онъ будетъ призванъ умереть, но пусть онъ держится вдали отъ борьбы политическихъ партій. Этому не противорѣчитъ тотъ фактъ, что нѣмецкое единство и величіе возстановленной имперіи германскаго народа отчасти зародились въ головахъ и сердцахъ нѣмецкихъ студентовъ: вѣдь тогда это былъ лишь теоретическій идеалъ.

Хуже всего будетъ, если замѣчаніе Мефистофеля о златомъ древѣ, путемъ легко представляющейся игры словъ, прельститъ студента добиваться только практическаго успѣха и въ занятіи наукой обращать свое вниманіе лишь на то, что можетъ быть выгоднымъ. Самъ Мефистофель, осмѣивая юриспруденцію и бросая грязью въ медицину, умалчиваетъ о богатствахъ, доставляемыхъ Галеномъ, и о почестяхъ, даруемыхъ Юстиніаномъ. Въ противоположность разнаго рода практическимъ высшимъ школамъ, возникающимъ рядомъ со старымъ университетомъ, послѣдній долженъ сохранить ту особенность, что въ немъ наука цѣнится, изучается и разрабатывается ради нея самой.

Въ этой, вложенной въ уста искусителя антитезѣ между теоріей и жизнью мы видимъ основную мысль гётевской житейской мудрости, — мысль, которую поэтъ не только много разъ выражалъ въ своихъ произведеніяхъ, но которую онъ

и самъ приложилъ на практикѣ. Въ тотъ приблизительно періодъ, который соотвѣтствуетъ концу *Поэзии* и *правды*, удивительно скоро послѣ неслыханныхъ триумфовъ *Гёца* и *Вертера*, онъ начинаетъ съ пренебреженіемъ смотрѣть на чисто созерцательную жизнь. Его охватываетъ страстное желаніе жить въ дѣйствительности, принимать участіе въ практической дѣятельности. Онъ слѣдуетъ за своимъ царственнымъ другомъ въ Веймаръ съ громко выраженнымъ намѣреніемъ заниматься правительственными дѣлами. Онъ упорно и серьезно держится этого намѣренія, не пренебрегая подробнымъ ознакомленіемъ со всѣми частностями управленія такими техническими отраслями, каково, напр., горное производство. И мы видимъ, какъ въ годы, являющіеся обыкновенно расцвѣтомъ производительныхъ силъ, величайшій поэтический талантъ новаго времени уклоняется отъ творческой работы и въ угоду теоретическому принципу посвящаетъ себя практической дѣятельности, въ какой его легко могли бы опередить гораздо ниже его стоящіе люди, — пока, наконецъ, подавленная природа не прорывается съ новой силой, и геджра изъ Карлсбада въ Римъ открываетъ собою новый періодъ художественнаго творчества.

Но мало того, что Гёте самъ принудилъ себя къ этому отклоненію отъ своего пути: онъ въ то же время и другимъ неустанно проповѣдуетъ евангеліе дѣла. Эта удивительная двойственность его натуры постоянно, на тысячу ладовъ, обнаруживается въ его произведеніяхъ, будетъ ли это мистическій мальчикъ, подающій благой совѣтъ искателю кладовъ; или Вильгельмъ Мейстеръ, который толкуетъ Гамлета, а самъ, отрекаясь отъ искусства, находитъ удовлетвореніе въ обыденной жизни; или Шарлотта и капитанъ, надоедающіе намъ своими сельскохозяйственными заботами; или Фаустъ первой части, переводящій слово *λόγος* словомъ *дѣло*; или, наконецъ, Фаустъ второй части, объявляющій своимъ лучшимъ мгновеніемъ окончаніе техническаго сооруженія, въ которомъ ничего не нашель бы особеннаго любой голландскій гидротехникъ. На этомъ памятникѣ изъ камня, песка и цемента

умирающій Фаустъ даже основываетъ то *Exegi monumentum*, въ которомъ обыкновенно видятъ намекъ на духовную дѣятельность самого поэта:

И не сметутъ столѣтья, безъ сомнѣнья,
Слѣда, оставленнаго мной*).

Несогласіе мнѣній относительно этой стороны въ характерѣ Гёте достаточно показываетъ, насколько трудно съ ней примириться. Одни восхищаются ею, какъ доказательствомъ уравновѣшенной гармоніи его силъ, и противъ этихъ безусловныхъ поклонниковъ намъ нѣтъ нужды его защищать. Другіе не постигаютъ, какъ могъ человѣкъ съ столь ясно выраженнымъ дарованіемъ, послѣ такихъ блестящихъ дебютовъ, сомнѣваться еще въ своемъ призваніи, и его чиновничьи упражненія кажутся имъ прегрѣшеніемъ противъ своего благороднѣйшаго „я“. Ни про какого другого великаго писателя намъ неизвѣстно, чтобы въ немъ имѣлъ мѣсто подобный внутренний конфликтъ. Напротивъ, обыкновенно борьба идетъ въ обратномъ направленіи: внѣшнія обстоятельства принуждаютъ юношей къ практической дѣятельности, а ихъ геній невольно ее отвергаетъ. Шекспиръ, Мольеръ, Шиллеръ находили полное удовлетвореніе въ своемъ творествѣ: ихъ поэтическія произведенія суть ихъ дѣла. Вольтеръ и Дидро часто вмѣшиваются въ дѣйствительную жизнь, но не по рефлексіи, а вполне естественно — когда къ тому представляется внѣшній поводъ, и въ нихъ дѣйствуетъ внутреннее побужденіе. Правда, лордъ Байронъ даже съ презрѣніемъ относился къ своей литературной дѣятельности и умеръ въ качествѣ волонтера-филэллина. Однако онъ имѣлъ преувеличенное понятіе о своемъ достоинствѣ, какъ англійскаго пэра, и, по словамъ Трелки, его привлекли въ Месолунги отчасти такіе же мотивы, какъ Гёте въ Италію, — графиня Гичоли была его госпожой фонъ Штейнъ, — отчасти тайная надежда на то, что по освобожденіи Греціи онъ будетъ провозглашенъ *βασιλεύς* оми. Если бы

*) Переводъ Холодковского.

призывъ Гёте былъ безусловно справедливъ, то вѣдь въ немъ заключался бы упрекъ всѣмъ тѣмъ, кто, работая въ качествѣ художника, изслѣдователя или мыслителя, думаетъ въ тиши лишь о духовномъ творествѣ. Нужно ли, вообще говоря, рекомендовать людямъ практическую жизнь и наслаждения? Вѣдь даже у насъ, болѣе созерцательнаго племени, особенно же у жизнерадостныхъ латинцевъ и энергичныхъ англосаксовъ помышленія огромнѣйшаго большинства людей сами собою исключительно только на это и направлены. Только объ этомъ и рассказываетъ исторія и поэзія, только это и изображается на подмосткахъ, представляющихъ собою міръ. Съ какой же стати привлекать въ пылъ и суматоху рынка еще и ту ничтожную частицу людей, которые охотно пребываютъ въ сферѣ вѣчнаго и абсолютнаго? Самъ же Гёте влагаетъ въ уста Мефистофеля, гдѣ тотъ говоритъ самъ съ собою и потому правду, такое предостереженіе:

Лишь презирай свой умъ да знанья жаръ,
Могучій человѣка даръ,

.....
Тогда ты мой, безъ дальнихъ словъ*).

Если даже дѣйствительно совѣты Гёте придадутъ бодрости двумъ-тремъ слабымъ личностямъ, это нисколько не возмѣстило бы для общества потери хотя бы только одной духовной натуры, которую такіе совѣты отклонять отъ идеальной цѣли.

Рѣшеніе загадки заключается, конечно, въ томъ, что Гёте, постоянно вновь обращаясь къ людямъ съ своимъ призывомъ, бессознательно судилъ о нихъ по себѣ самому, и что у него отнюдь не съ самаго начала имѣлось то равновѣсіе силъ, какое приписывается ему нѣкоторыми. Благодаря глубинѣ и нѣжности своихъ чувствованій и силъ своей фантазіи онъ отъ природы мало былъ способенъ къ быстрымъ, рѣшительнымъ поступкамъ. Онъ избѣгалъ энергичныхъ впечатлѣній, и все насильственное его отталкивало; такъ, напримѣръ,

*) Переводъ Холодковского.

въ геологіи онъ питалъ отвращеніе къ теоріи вулканизма. Его поведеніе на Готардѣ, значеніе, какое онъ придаетъ счастливому исходу весьма незначительныхъ приключеній, многочисленность начатыхъ, но оставленныхъ трудовъ — *Прометей*, *Магометъ*, *Тайны*, *Вѣчный жидъ*, *Навзикая*, *Ахиллеида*, *Побочная дочь*, вялая работа надъ окончаніемъ *Вильгельма Мейстера*: все это не укладывается въ образъ особенной дѣятельной силы. Да, если бы онъ обладалъ особенно мощной энергіей, въ такомъ случаѣ онъ не былъ бы, пожалуй, лирикомъ, стихи котораго, вырвавшіеся изъ самой глубины его сердца, производятъ на насъ такое сильное дѣйствіе. Къ этому природному характеру присоединилось еще, чтобы привести Гёте къ недовольству самимъ собою, господствовавшее въ эпоху гётевской юности оссіановское и вертеровское настроеніе съ его чрезмѣрнымъ субъективизмомъ, развращающее вліяніе Жанъ-Жака Руссо съ его омраченнымъ мировоззрѣніемъ и разслабляющимъ самоучительствомъ, наконецъ, вызванное счастливыми вѣшними условіями Гёте праздное, по нашимъ понятіямъ, существованіе въ тихомъ Франкфуртѣ — безъ правильнаго занятія и опредѣленнаго плана.

Исполненный этическихъ стремленій, работая надъ самоусовершенствованіемъ, онъ старался выбраться, какъ извѣстно, изъ моря воображаемыхъ бѣдъ, полусознательно, полубессознательно боролся съ указанной слабостью своего характера и постепенно преобразился въ зевсоподобную личность, какою знали его три первыхъ десятилѣтія нашего вѣка, — личность, особенно величественную въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ въ *Тайнахъ*, могли радостно указать на него другимъ со словами: „Это — онъ, это — его собственное!“ Но глубокимъ слѣдомъ борьбы съ самимъ собою, изъ которой онъ вышелъ побѣдителемъ, и которую онъ какъ бы хеаутоморфически предполагалъ и у другихъ, остались эти безпрестанные, столь излишніе для большинства людей совѣты „жить рѣшительно“. Съ той же точки зрѣнія становится понятнымъ такъ часто и рѣзко вмѣняемое въ упрекъ Гёте его *пробхуеген* передъ страшнымъ человѣкомъ дѣла — Напо-

леономъ: ему импонировало наиболѣе недостающее у него свойство; это — Фаустъ, склоняющійся передъ духомъ земли.

Но если при этомъ самокалѣиваніи Гёте, какъ поэтъ, больше потерялъ, чѣмъ выигралъ, то все-таки нѣмецкому народу не приличествуетъ порицать его за это. Развѣ самъ онъ не проходитъ черезъ подобную же фазу развитія? Развѣ въ угоду своему страстному желанію политическаго величія онъ не пожертвовалъ пока своимъ идеализмомъ, своимъ романтизмомъ, своею глубокомысленной духовной жизнью? Развѣ вражда изъ-за благъ часто весьма сомнительнаго достоинства, лихорадочная законодательная дѣятельность, партійныя распри, избирательная борьба и политическая болтовня не поглощаютъ несравненно болѣшую часть его времени и силъ? Какъ скоро исчезла изъ этой политической дѣятельности та страстность, которая еще очень недавно сообщала ей увлекательное одушевленіе! Выраженіе „Германія есть Гамлетъ“ уже не годится, такъ какъ она совершила мощное, рѣшительное дѣяніе. Скажемъ лучше: „Германія есть Гёте“, и въ ходѣ внутренней жизни послѣдняго отражается ея собственная жизнь. Въ настоящее время нѣмецкій народъ подобенъ привлеченному въ Веймаръ Гёте, который, пресытившись неувыдаемыми лаврами, въ своемъ стремленіи быть цѣльнымъ человѣкомъ вслѣдъ за топоромъ бросаетъ топориче и отпавляетъ пегаса въ стойло. Съ этимъ сраненіемъ связана, во всякомъ случаѣ, надежда, что и для Германіи настанетъ нѣкогда день бѣгства въ Римъ — въ другомъ, конечно, смыслѣ, чѣмъ думаютъ нѣкоторые.

Мы такъ привыкли къ фавулѣ *Фауста*, что намъ чрезвычайно трудно посмотреть на нее безпристрастнымъ взоромъ. Если это удастся, невольно поражаешься ея глубокой психологической неправдой.

Я говорю не о томъ поэтическомъ преувеличеніи, будто Фаустъ хочетъ лишиться себя жизни, такъ какъ онъ видитъ, что мы ничего не можемъ знать. Ни у одного человѣка стремленіе къ знанію не бываетъ сильнѣе врожденной каждому живому существу любви къ жизни, такъ что такое отчаяніе

никогда не можетъ быть этическимъ результатомъ сознанія: *ignorabimus*. Отреченіе, заключающееся въ этомъ словѣ, можетъ сопровождаться самымъ глубокимъ успокоеніемъ благодаря уже тому, что знать о своемъ невѣдѣніи и объ его причинахъ есть тоже знаніе, подобно тому какъ математика считаетъ рѣшенной задачу, невозможность рѣшить которую доказана.

Такъ какъ, однако, благодаря искусству Гёте мы незамѣтно доходимъ съ Фаустомъ до того, что не слишкомъ удивляемся, когда онъ хватается за опиумъ, то мы не станемъ останавливаться на этомъ пунктѣ. Но *ignorabimus* Фауста, собственно говоря, не имѣетъ никакой почвы. Фаустъ заранѣе убѣжденъ въ существованіи міра духовъ, считаетъ даже возможнымъ проникнуть въ него, и появленіе духа земли должно окончательно уничтожить въ немъ всякое сомнѣніе въ правотѣ дуализма. Такимъ образомъ, можно бы думать, для него рѣшены столь важные вопросы, что остальное, на примѣръ сущность матеріи и силы, происхожденіе движенія, не должно уже его особенно беспокоить.

Нельзя при этомъ предполагать, чтобы Фаустъ могъ сомнѣваться въ продолженіи личнаго существованія послѣ смерти:

Мужайся, измѣни удѣлъ унылый свой,
Сойди въ ничтожество отважною стопой!*)

Правда, подобную же непоследовательность встрѣчаемъ мы у Шекспира, когда Гамлетъ, который видѣлъ духъ своего отца и слышалъ отъ него изображеніе мукъ чистилища, и который чрезвычайно озабоченъ тѣмъ, что духъ этотъ можетъ быть дьяволомъ, вовлекающимъ его обманомъ въ погибель, — все-таки сомнѣвается, будутъ ли существовать въ смертномъ снѣ сновидѣнія: *Спать, быть можетъ, видѣть сны*. Невѣроятно даже, чтобы Фаустъ сказалъ:

Я слышу съ неба вѣсть, но вѣры нѣтъ во мнѣ.

*) Переводъ Холодковского.

Къ чему духовидцу вѣра, которая именно есть увѣренность въ томъ, чего не видишь? Еще труднѣе понять, почему Фаустъ, будучи за панибрата съ олицетвореннымъ злымъ началомъ, при катехизическомъ допросѣ Гретхенъ отказывается признать за собой вѣру въ олицетворенное доброе начало и старается отдѣлаться отъ простодушнаго ребенка пантеистическими фразами. Онъ вѣруетъ въ боговъ — по крайней мѣрѣ они всегда у него на языкѣ, — а не въ Бога. Но все-таки слова, вложенныя въ видѣ насмѣшки въ уста супернатуралиста во снѣ въ *Вальтуріеву* ночь:

Возможно, безъ сомнѣнья,
По духамъ зла составишь мнѣ
О добрыхъ духахъ мнѣнье*),

выражаютъ вполне вѣрную мысль.

Къ такимъ логическимъ противорѣчіямъ присоединяется однако еще этическая несообразность, чтобы честно ищущій истины человѣкъ, получившій такія осязательныя доказательства въ пользу дуализма, какъ появленіе духа земли и ежедневное общеніе съ чортомъ, сталъ поступать подобно Фаусту. Не прошло получаса послѣ его бесѣды съ духомъ земли, какъ онъ собирается наложить на себя руку, чтобы распахнуть передъ собой ворота, мимо которыхъ всякій старается проскользнуть. Какимъ неестественнымъ является у него это отчаянное рѣшеніе, даже, если допустить, что при его точкѣ зрѣнія онъ могъ еще сомнѣваться въ безсмертіи души: насколько было бы проще попробовать еще разъ вступить въ сношеніе съ тѣмъ мощнымъ существомъ, опять вызвать его новыми заклинаніями и лучше воспользоваться его вторымъ посѣщеніемъ. Монологъ:

Могучій духъ, ты все мнѣ, все доставилъ,
О чемъ просилъ я. Не напрасно мнѣ
Свой ликъ явилъ ты въ пламенномъ сіяньи*)

*) Переводъ Холодковскаго.

и сцена въ прозѣ представляютъ собою, конечно, сохраненные отрывки отъ такой редакціи поэмы, когда послѣдняя имѣла это болѣе естественное продолженіе.

Чтобы вполне понять всю невѣроятность того, что Фаустъ, вопреки своему лучшему „я“, безъ малѣйшаго колебанія могъ устремиться навстрѣчу мимолетнымъ, даже преступнымъ радостямъ, стать обольстителемъ и убійцей, представимъ себѣ (что якобы и случилось не такъ давно по близости отъ того же ауэрбаховскаго погреба) слѣдующее: научно-образованные люди, полные серьезнаго стремленія къ знанію и съ нравственной выдержкой, словомъ — нѣмецкіе профессора, подобно Фаусту, вдругъ узнаютъ вещи, которыя заставляютъ ихъ убѣдиться въ существованіи сверхчувственнаго міра какъ въ безусловно достовѣрномъ естественнонаучномъ фактѣ. Вообразимъ себѣ, что свидѣтельство нашихъ внѣшнихъ чувствъ устранило всякое сомнѣніе въ реальности ангеловъ, чертей и привидѣній, въ близкомъ присутствіи отшедшихъ въ вѣчность душъ дорогихъ намъ людей или даже великихъ мужей прошлаго, которые однако, надо думать, должны бы обнаруживать себя какъ-нибудь поумнѣе, чѣмъ это происходило въ бывшихъ до сихъ поръ случаяхъ. Допустимъ, что это не иллюзія, но что мы дѣйствительно окружены частью невидимыми, частью же доступными для нашего воспріятія неограниченными существами. Кто можетъ изобразить тотъ переворотъ, какой претерпѣло бы тогда наше міровоззрѣніе? Будь такъ на самомъ дѣлѣ, и вся наша школьная премудрость пошла прахомъ! Не сокрушила ли бы насъ мощь такой катастрофы, не поверглись ли бы мы ницѣ въ благоговѣйномъ страхѣ? Врядъ ли чувствовали бы мы тогда охоту спектроскопически изучать свѣтящіеся образы или достать частицу ихъ вещества для химическаго изслѣдованія. Съ того дня вся земная суета стала бы казаться намъ столь же ненавистной, пошлой и ненужной, какой она казалась датскому принцу; лучшимъ рѣшеніемъ вопроса о цѣли жизни оставалось бы для насъ еще, пожалуй, созерцательное монашеское существованіе.

Но таково точь въ точь положеніе Фауста. И въ подобномъ положеніи такой человѣкъ, какъ онъ, — не дикій шотландскій танъ, подобно Макбету, не безстыдный испанскій развратникъ, подобно Донъ Жуану, — забывъ о всякихъ нравственныхъ преградахъ, склоняется то къ самоубійству, то къ необузданной погонѣ за наслажденіями! Послѣ потрясающаго конца первой части благороднымъ эльфамъ не составляетъ однако никакого труда исполнить порученіе Аріеля:

Смирите страсть душевную въ тиши,
Упреки мрачной совѣсти смягчите,
Утишите вѣчный страхъ его души*).

Пока, наконецъ, постыдный поступокъ по отношенію къ Филемону и Бавкидѣ не приводитъ Фауста въ большее, чѣмъ должно, волненіе, онъ обнаруживаетъ какое-то счастливое легкомысліе, образующее рѣзкій контрастъ съ тою тонкостью чувства, съ какой онъ въ началѣ печально вспоминаетъ неудачную борьбу съ чумой, веденную имъ въ молодости подъ руководствомъ отца. Самой завязкой мистификаціи и вольнодумецъ не могъ бы вести себя развязнѣе, чѣмъ нашъ герой, обладающій достовѣрнѣйшими свѣдѣніями о томъ свѣтѣ. На какомъ основаніи въ концѣ концовъ ангелы объявляютъ его очищеннымъ и спасеннымъ какъ человѣка, жизнь котораго полна неустанныхъ стремленій, — это остается непонятнымъ, такъ какъ къ чему же онъ собственно стремится? Даже объ утоленіи жажды знанія, для чего ему очень могъ бы пригодиться Мефистофель, едва лишь упоминается мимоходомъ, какъ, напримѣръ, въ сценѣ на Брокенѣ:

На злое дѣло вся толпа стремится.
Не мало здѣсь загадокъ разрѣшится*).

Но онъ упускаетъ и этотъ, единственный въ своемъ родѣ случай поучиться и предпочитаетъ танцовать съ хорошенькой

*) Переводъ Холодковского.

вѣдьмочкой, не заботясь о томъ, что въ это время дѣлается съ бѣдной Гретхенъ, о которой ему напоминаетъ лишь появленіе ея призрака. Остается удивляться, что передъ нимъ не возстаетъ также кровавая тѣнь Валентина.

Вездѣ мы наталкиваемся на противорѣчія, которыя, будучи замѣчены, мѣшаютъ цѣльности впечатлѣній отъ поэмы, подобно тому, какъ теряетъ свою прелесть картина, когда выступаетъ на видѣ долго ускользавшая отъ насъ неправдивость въ ея рисункѣ. Но этотъ недостатокъ коренится въ самомъ сказаніи о Фаустѣ и притомъ такъ глубоко, что Гёте, замѣтивъ его, оставалось бы одно: или не обращать на него вниманія, или же отказаться отъ написанія Фауста. Такимъ образомъ, претендовать здѣсь надо не на поэта, а на безуміе христіанскаго средневѣковья, этой эпохи глубокаго униженія человѣческой личности. Сказаніе о Фаустѣ есть та же вѣра въ вѣдьмъ, только перенесенная въ высшую сферу. Намъ уже непонятно теперь, какимъ образомъ могло возникнуть вѣрованіе, что старухи съ гнойными глазами обыкновенно продаютъ свою душу чорту за способность портить скотъ своихъ сосѣдей; точно такъ же омраченіе человѣческаго ума въ эту эпоху нужно было и для того представленія, будто человѣкъ съ выдающимися дарованіями и глубокимъ знаніемъ можетъ заключить прямо бессмысленный въ его положеніи договоръ.

Не будемъ, однако, превозноситься, смотря на эти заблужденія прежняго времени. Тѣ же глупыя и злыя наклонности, которыя приняли тогда такую отвратительную форму, и теперь еще таятся въ глубинѣ общества; всякій день могутъ онѣ вновь проявиться въ менѣе грубомъ, но не менѣе позорномъ видѣ. Что такое спиритическія нелѣпости, произведшія такое смятеніе въ Америкѣ, Англіи и Лейпцигѣ, какъ не скрытое подъ современной оболочкой прорицательское искусство древности, которое черезъ осмѣянные Гораціемъ мистификаціи Саганы и Канидіи, черезъ волшебныя исторіи Апулея и средневѣковое колдовство протягиваетъ руку месмеризму и животному магнетизму? И чѣмъ инымъ, кромѣ поставленныхъ

въ настоящее время государствомъ и всеобщей цивилизаціей границъ, отличаются расовыя и религіозныя преслѣдованія послѣднихъ лѣтъ отъ крестоваго похода противъ альбигойцевъ или отъ средневѣковой травли евреевъ?

Если Вейслингенъ, Вертеръ, Клавиго, Прометей, Тассо и другіе образы представляютъ собою хеаутоморфическія созданія поэта, то тѣмъ болѣе надо сказать это про Фауста. Поэтому, произносимыя имъ сентенціи по большей части служатъ вѣрнѣйшимъ отраженіемъ образа мыслей самого Гёте. Въ словахъ:

Съ высокихъ стѣнъ смѣются надо мной
Винты и рычаги, машины и колеса.
Я думалъ: къ истинѣ вы — ключъ надежный мой;
Но если ключъ блеститъ отдѣлкой мастерской,
Все жъ бѣдному ему не разрѣшить вопроса.
При свѣтѣ дня покрыта тайны мглой,
Природа свой покровъ не сниметъ передъ нами!
Увы, чего не могъ постигнуть ты душой,
Не объяснить тебѣ винтомъ и рычагами!*)

Гёте далъ остроумное выраженіе своему отвращенію къ эксперименту, своему пренебреженію къ систематическимъ успліямъ физика. Но Фаустъ далеко не правъ со своими жалобами. Надлежащимъ образомъ устроенные и употребляемые инструменты расширяютъ знаніе и могущество человѣка въ предѣлахъ возможнаго познанія природы, и здѣсь они необходимы: въ этихъ предѣлахъ природу можно побудить ко многимъ уступкамъ, хотя для этого и нужно нѣчто большее, чѣмъ рычаги и винты. Если нашъ магъ требовалъ отъ машины чего-нибудь сверхъ того, то ему надо было пенять на себя самого, что онъ оставилъ его безъ отвѣта. Какъ это ни прозаично, тѣмъ не менѣе это правда, что Фаустъ, вмѣсто того чтобы отправиться ко двору для введенія необезпеченныхъ бумажныхъ денегъ и подниматься къ матерямъ

*) Переводъ Холодковского.

въ четвертое измѣреніе, сдѣлалъ бы лучше, если бы женился на Гретхенъ, узаконилъ своего ребенка и изобрѣлъ электрическую машину и воздушный насосъ, за что онъ пользовался бы отъ насъ заслуженной признательностью вмѣсто магдебургскаго бургомистра.

Отвращеніе къ физическимъ опытамъ и ихъ математической обработкѣ составляетъ, какъ извѣстно, важный пунктъ въ естествонаучномъ міровоззрѣніи Гёте и, говоря современнымъ техническимъ языкомъ, образуетъ лейтмотивъ къ его ожесточенной полемикѣ противъ ньютоновскаго ученія о цвѣтахъ. Исторія гётевскаго ученія о цвѣтахъ непрятно переплетается съ исторіей нѣмецкаго духа. Это была эпоха, когда создавалась новѣйшая оптика, надъ которой во Франціи работали Малюсъ, Біо, Араго и Френель, а въ Англіи — Томасъ Юнгъ, Волластонъ, Джонъ Гершель, Брустеръ. Въ обѣихъ этихъ странахъ естествовѣдѣніе давно уже успѣло занять свое характерное для XIX вѣка преобладающее положеніе. Въ Германіи же въ то время физика была предметомъ презрительныхъ насмѣшекъ со стороны философской школы, ушедшей въ диалектическую игру мыслями и безплодный формализмъ, — школа, которая нашла себѣ послѣдователей въ эстетическихъ кружкахъ и въ массѣ образованныхъ людей, благодаря тому, что со свойственною ограниченности самоувѣренностью выдавала себя за высшую ступень въ развитіи духа человѣческаго духа. Хотя Гёте никогда особенно не интересовался умозрительной философіей, однако школа эта проповѣдывала его хроматическое евангеліе, которое, по крайней мѣрѣ, не имѣло нечистаго эмпирическаго происхожденія. Къ открытіямъ Фраунгофера, подготовившимъ чудеса спектральнаго анализа, Гёте отнесся съ пренебреженіемъ, какъ къ фокусу. Вопросъ: „Придерживаетесь вы ньютоновскаго или гётевскаго ученія о цвѣтахъ?“ обратился, по рассказамъ Дове, въ лозунгъ, по которому узнавали, принадлежитъ ли собесѣдникъ „тоже къ разряду тѣхъ, кто вслѣдъ за другими болтаетъ безсмыслицу, которую вотъ уже почти сто лѣтъ повторяютъ, какъ символъ вѣры“.

Это — печальныя воспоминанія, но не мѣшаетъ порой къ нимъ возвращаться. Факты новѣйшаго времени доказываютъ, повидимому, что такое позорное для нѣмецкой науки положеніе дѣлъ нельзя объяснить лишь на основаніи одного того закона, по которому всякій народъ созрѣваетъ для естествовѣдѣнія лишь спустя извѣстное время послѣ процвѣтанія у него поэзіи. Здѣсь замѣшанъ также одинъ недостатокъ нѣмецкой природы, который надо опредѣлять для того, чтобы съ нимъ можно было бороться. Недостатокъ этотъ, въ своей сущности, конечно, связанный съ великими достоинствами, есть склонность къ дедукціи въ противоположность индукціи, къ умозрѣнію, результаты котораго подобны слишкомъ сильно надутому воздушному шару, легко лопающемуся при полетѣ, — въ противоположность эмпириі, опирающейся на болѣе прочную основу. Для того, чтобы нѣмецкій мыслитель (пользуясь сравненіемъ Мефистофеля) оставался въ сухой пустынѣ умозрѣнія, по большей части совсѣмъ нѣтъ нужды въ уловкахъ злого духа: онъ и безъ того съ презрѣніемъ смотритъ на простирающийся вокругъ него прекрасный зеленый лугъ дѣйствительности. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе этихъ народно-психологическихъ особенностей націй.

Гётевское ученіе о цвѣтахъ давно уже осуждено, но несмотря на безчисленные комментаріи къ нему, въ которыхъ принимали участіе такіе люди, какъ Дове, Брюкке и Гельмгольцъ, все-таки, кажется мнѣ, остается не высказаннымъ кое-что такое, что, быть можетъ, рѣзче, чѣмъ до сихъ поръ, подчеркнетъ недостатки гётевскихъ взглядовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ причину, почему между Гёте и физиками не могло быть никакого взаимопониманія.

Густавъ Кирхгофъ выставляетъ задачей механики полное и наипростѣйшее описаніе происходящихъ въ природѣ движеній. Насколько такое опредѣленіе кажется страннымъ при первомъ взглядѣ, настолько же вѣрнымъ и глубокимъ представляется оно при ближайшемъ разсмотрѣніи, если только подѣть полнымъ и простѣйшимъ описаніемъ разумѣть то, что

надо, именно — описаніе *механическое* въ противоположность чисто *графическому*. Между механическимъ и графическимъ описаніемъ какого-нибудь движенія, механическимъ описаніемъ находящейся въ равновѣсіи системы, напримѣръ капиллярнаго мениска, и чисто описательнымъ изображеніемъ какого-нибудь органическаго образованія, напримѣръ древеснаго листа, существуетъ та разница, что при графическомъ описаніи не принимаются въ расчетъ причины движенія и формирующія силы, тогда какъ механика, по установившемуся воззрѣнію, восходитъ до причинъ и силъ, выводя отсюда движенія и формы. Такимъ образомъ, при этой точкѣ зрѣнія, механическое описаніе удовлетворяетъ нашему стремленію къ причинному объясненію, при графическомъ же описаніи стремленіе это остается совершенно въ сторонѣ. Опредѣленіе Кирхгофа, подразумѣвая механическое описаніе, сознательно игнорируетъ однако его отлічіе отъ описанія графическаго, и въ нѣкоторомъ отношеніи это не лишено основанія. Такъ называемыя силы, какъ причины движенія, суть чисто формальныя понятія, съ которыми у насъ не связано ничего дѣйствительно существующаго, такъ что наша потребность въ причинности удовлетворяется механикой только кажущимся образомъ. Въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, нѣтъ никакой разницы между описаніемъ траекторіи брошеннаго тѣла и описаніемъ какого-нибудь жука.

Едва ли кто могъ бы съ большею, чѣмъ я, готовностью признать нереальность силъ и согласиться, что мы ничего не знаемъ о возникновеніи и прекращеніи движенія благодаря ли дѣйствию на разстояніи, или благодаря давленію либо удару. Какъ извѣстно, я иду даже еще дальше, утверждая, что мы и ничего объ этомъ не можемъ и не будемъ знать. Тѣмъ не менѣе, для меня и даже, если не ошибаюсь, для большинства людей вполне живо чувствуется существованіе разницы между обоего рода описаніями. На какой бы отвлеченной точкѣ зрѣнія мы ни стояли, сведеніе явленія къ его дифференціальнымъ элементамъ движенія или его выводъ изъ послѣднихъ возбуждаютъ въ насъ положительное

чувство удовлетворенности, которое впервые может доставить намъ успокоеніе, подобно чувству математическаго пониманія, съ какимъ эти дѣйствія имѣютъ даже одинаковую форму. Внѣшній процессъ оказался въ согласіи или приведетъ въ согласіе съ извѣстными законами нашего мышленія, которымъ онъ не могъ бы противорѣчить, не повергая насъ въ мучительное безпокойство, — и это, хотя и неправильно, принято называть удовлетвореніемъ нашей потребности въ причинномъ объясненіи. Очевидно, здѣсь передъ нами психологическій фактъ, который самъ по себѣ принадлежитъ къ числу основныхъ проблемъ. По выставленной Иоганнесомъ Мюллеромъ эмпирической теоріи стремленія къ причинности — теоріи, которую, какъ и всякую эмпирическую теорію, можно перенести съ отдѣльнаго индивидуума на весь родъ, — вопросъ разрѣшается въ томъ смыслѣ, что всѣ вообще формы нашего мышленія развились подъ вліяніемъ регулярнаго повторенія внѣшнихъ явленій. Такимъ образомъ становятся до нѣкоторой степени понятными потребность и впредь видѣть согласіе между этими явленіями и формами мышленія и мучительное чувство безпокойства, пока такое согласіе не достигнуто.

Какъ бы то ни было, законъ причинности въ его обычномъ значеніи господствуетъ какъ во всемъ нашемъ мышленіи, такъ и въ теоретическомъ естествовѣдѣніи. Это — систематически выработавшееся стремленіе „знать основы вещей“. Сообразно съ природой нашего интеллекта, оно принимаетъ форму механическаго анализа. На какомъ бы представленіи о строеніи матеріи мы ни основывались, теоретическое естествовѣдѣніе успокоивается не раньше, какъ сведя міръ явленій къ движеніямъ послѣднихъ элементовъ, происходящимъ по тѣмъ же законамъ, какъ и движенія болѣе грубой, доступной нашему воспріятію матеріи.

О такого рода дѣятельности и о духовной потребности, которую она предполагаетъ и стремится удовлетворить, Гёте явно не имѣлъ никакого понятія. О механическомъ анализѣ онъ упоминаетъ лишь для того, чтобы отвергнуть его съ раз-

драженною враждебностью. Всѣ его теоретическія попытки ограничиваются тѣмъ, чтобы изъ первичнаго, какъ онъ называетъ, явленія, которое однако отличается уже значительной сложностью, вывести другія явленія, не связанные съ первымъ замѣтною причинной зависимостью, — нѣчто въ родѣ того, какъ въ полѣ волшебнаго фонаря одна туманная картина слѣдуетъ за другой. У Гёте совершенно отсутствовало понятіе механической причинности. Вотъ почему его ученіе о цвѣтахъ, исключая части, посвященной субъективнымъ зрительнымъ явленіямъ, несмотря на ревностныя усилія долгой жизни, осталось мертворожденнымъ произведеніемъ дилетанта-самоучки; вотъ почему онъ не могъ столкнуться съ физиками, почему ему было непонятно величіе Ньютона, и почему въ научной оптикѣ Юнга или Френеля онъ видѣлъ лишь „скучную ерунду“ (Katzenpastete).

Джемсъ Уаттъ обладалъ, какъ извѣстно, изумительнымъ талантомъ сочинять исторіи, и англичане, первый народъ въ области механическихъ изобрѣтеній, оказываются вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе плодовитыми романистами. Талантъ математико-механическаго анализа не вполне совпадаетъ со способностью механическаго построенія; однако довольно частая связь послѣдней съ даромъ романическаго вымысла позволить намъ, быть можетъ, понять одинъ изъянь въ лавровомъ вѣнкѣ Гёте какъ поэта, вѣнкѣ, который безъ этого былъ бы столь полонъ. Какимъ несравненнымъ повѣствователемъ онъ ни былъ, у него не замѣтно способности замысловато направить ходъ дѣйствія и искусственно запутывать его все болѣе и болѣе, чтобы путаница эта, дойдя, повидимому, до невозможности быть распутанной, получила себѣ внезапное и ловкое разрѣшеніе. Не находился ли этотъ недостатокъ въ какой-нибудь связи съ тѣмъ фактомъ, что Гёте не чувствовалъ никакого влеченія къ проницательному анализу и сложнымъ экспериментальнымъ приѣмамъ? Не вышелъ ли бы, пожалуй, изъ Вальтера Скота хорошій конструкторъ?

Если у Гёте не доставало органа для теоретическаго естествовѣдѣнія въ его высшемъ видѣ, это не мѣшало однако

его успешной деятельности в областях, где достаточно пластической фантазии и художественной интуиции, чтобы схватить в родственных формах то, что есть у них общего и существенного, и с этой точки зрения понять разнообразие явлений в том смысле, как это слово употребляется морфологами. Метаморфоза растений, открытие межчелюстной кости у человека и позвоночная теория черепа навсегда останутся доказательством трудолюбия Гёте и вёрности его взгляда. Шарль Мартэн, переведший естественно-научные сочинения Гёте на французский язык, а из немецких — Вирхов отдал полную справедливость этим произведениям. Работа о межчелюстной кости для того времени, когда она была написана, удовлетворяет даже и более строгим специально-научным требованиям.

Порадуемся таким успехам вместе со многими теми, кто страстно желает видеть своего героя безукоризненным во всех отношениях, и не будем слишком задаваться вопросом, не лучше ли было бы для самого Гёте и для мира, если бы он, как это сделал по совету Клеро Вольтер, предоставил естественнонаучные занятия тем, кто не обладает в то же время талантом великого поэта. Но если судить не взирая на лицо, с точки зрения истории научного прогресса, не знающей никакого *argumentum ad pietatem*, то нельзя не сознаться, что и без Гёте наука, вообще говоря, ушла бы так же далеко, как и теперь, а немецкая наука, быть может, даже дальше.

Конечно, про каждого исследователя, в противоположность художнику, можно сказать, что сделанное им раньше или позже было бы исполнено другими. Но относительно Гёте вопрос стоит иначе. Здесь дело идет не о возможностях, а о фактах. Метаморфоза растений в действительности была еще до него признана Каспаром-Фридрихом Вольфом, остаточные образы были описаны Эразмом и Робертом Дарвинами, позвоночная теория была раньше опубликована Океном, так что тут Гёте может претендовать не на первенство, а лишь на самостоятельность от-

крытия. Межчелюстную кость у человека вскорь после него самостоятельно указал Вильхельм-д'Азирь. Так как в то время Гёте стоял вне специально-научных кружков и литературы, и к поэту-естествоиспытателю относились с предубеждением, которому его полемика из-за учения о цветах могла только дать дальнейшее оправдание, — то его труды за границей очень долгое время не имели никакого значения, в Германии же они сопровождались лишь сомнительными результатами. Таким образом, наука шла вперед не благодаря Гёте, но в стороне и независимо от него, как это всего лучше видно из того, что и теперь еще читаются лекции и пишутся статьи, чтобы доказать даже право Гёте на название естествоиспытателя.

Но важнее той пользы, какую могли принести действительные ценные мысли Гёте, был вред уже от того ложного направления, какое он многократно пытался привить немецкой науке, и без того уже достаточно сбивой тогда с пути так называемой натурфилософией. Вспомним о печальном злоупотреблении позвоночной теорией. В сочинениях того времени постоянно встречается с его характеристическими приемами, его сомнительными основоположениями, его раздраженной защитой своих предразсудков. Влиянию этому всего легче поддавались как раз люди наиболее талантливые, привлеченные к Гёте богатством фантазии, обилием мыслей и всесторонним образованием. Даже Иоганнес Мюллер до того опасного кризиса, который просветил его как объективного исследователя, настолько подчинялся гётевским мнениям, что этот будущий восстановитель экспериментального направления в немецкой физиологии следующим образом осуждает опыт в сравнении с рекомендованным Гёте простым „смотрением“: „Наблюдение — непосредственно, неумоимо, старательно, добросовестно, без предвзятого мнения; опыт — искусствен, нетерпелив, поспешен, прерывист, пристрастен, ненадежен“.

Вот где лежит противоположность между Гёте и Вольтером как естествоиспытателями, противоположность, которую

я уже имѣлъ случай отмѣтить раньше. Несмотря на свои ревностные и упорные труды по различнымъ отраслямъ естествовѣдѣнія, Вольтеръ не связалъ своего имени ни съ какимъ открытіемъ, и въ этомъ, слѣдовательно, Гёте стоитъ выше его. Сверхъ того, при своихъ теоретическихъ построенияхъ, Вольтеръ впадалъ въ многоразличныя ошибки вслѣдствіе чрезмѣрнаго скептицизма, того естественнаго противовѣса суевѣрію, какое онъ засталъ во всѣхъ почти областяхъ знанія и съ которымъ во многихъ изъ нихъ онъ побѣдно сражался. Тѣмъ не менѣе, онъ имѣетъ передъ Гёте то преимущество, что, проникнувшись въ молодости, за время своего пребыванія въ Англіи, истиннымъ духомъ теоретическаго испытанія природы, ньютоновскимъ духомъ, онъ перенесъ его во Францію, всю свою жизнь работалъ для его распространенія и такимъ образомъ содѣйствовалъ наступленію тѣхъ побѣдъ, какія французское естествовѣдѣніе праздновало въ концѣ прошлаго и въ первыя десятилѣтія этого вѣка. Въ это самое время нѣмецкая наука, находившаяся подъ дѣйствіемъ соннаго зелья ложной натурфилософіи, еще глубже погружалась, благодаря Гёте, въ свои эстетическія грѣзы, а самъ онъ разражался противъ Ньютона ругательствами, цѣлую антологию которыхъ можно найти въ рѣчи Гельмгольца. Затѣмъ, какъ извѣстно, Гёте придавалъ своимъ естествонаучнымъ занятіямъ совершенно не подобающее имъ значеніе, и кругъ его слѣпыхъ поклонниковъ оказалъ ему плохую услугу, обоготворивъ его и въ этой области; между тѣмъ, Вольтеръ и его почитатели были достаточно умны, чтобы не говорить объ его естествонаучныхъ заслугахъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, такъ что для многихъ было какъ бы литературнымъ открытіемъ, когда я въ Германіи, какъ раньше лордъ Брумъ въ Англіи, извлекъ ихъ изъ столѣтняго забвенія.

За послѣднее время были сдѣланы попытки возложить на Гёте новые лавры какъ на мыслителя-натуралиста. Особенно Геккель неоднократно и еще всего нѣсколько недѣль тому назадъ съ большимъ краснорѣчіемъ старался выставить Гёте

вмѣстѣ съ Ламаркомъ наиболѣе выдающимися предшественниками Дарвина. При этомъ, однако, рѣчь можетъ быть только объ одномъ основномъ принципѣ дарвинизма — объ эволюціонной теоріи. Правда, хотѣли даже видѣть гдѣ-то у Гёте и нѣчто подобное ученію о борьбѣ за существованіе; но, хотя рабское преклоненіе передъ нимъ заходитъ такъ далеко, что, указывая на его отвращеніе къ плутоническимъ переворотамъ, его выдаютъ также за предшественника Лайеля въ геологіи, никто, конечно, не станетъ серіозно утверждать, будто нашъ поэтъ признавалъ уже теорію отбора.

При такомъ ограниченіи правъ Гёте на ученіе о родствѣ живыхъ существъ по ихъ происхожденію, цѣнность этихъ правъ сильно падаетъ, такъ какъ трудность заключалась не въ томъ, чтобы измыслить это ученіе, а въ томъ, чтобы доставить ему всеобщее признаніе, словомъ — доказать его. Кто размышлялъ о возникновеніи живыхъ существъ, обладая посредственнымъ знаніемъ палеонтологическихъ данныхъ и отбросивъ дѣтски-догматическія оковы, тотъ прежде всего долженъ былъ натолкнуться на представленіе объ ихъ послѣдовательномъ развитіи въ направленіи къ высшему совершенству. Кто въ этомъ сомнѣвается, тотъ безъ Дарвина несомнѣнно сталъ бы вѣрить въ созданіе изъ ничего или первичное зарожденіе большихъ сложныхъ организмовъ. Даже если признать, что такіе люди, какъ Кювье, Іоганнесъ Мюллеръ и Луи Агассицъ, не сами собою пришли къ идеѣ о постепенномъ развитіи животнаго и растительнаго міра, все-таки она была имъ извѣстна, такъ какъ иначе они бы ея не оспаривали. Разница между ними и до-дарвиновскими приверженцами эволюціоннаго ученія заключается, слѣдовательно, лишь въ томъ, что послѣдніе игнорировали затрудненія, которыя первымъ казались непреодолимыми. Не много надо было искусства, чтобы въ тѣсной области остеологіи млекопитающихъ, изъ которой едва ли когда выходитъ Гёте, съ помощью кое-какихъ шаткихъ соображеній относительно вліянія среды, климата и т. д. перескочить, закрывъ глаза, черезъ пропасти, передъ которыми останавли-

вался Кювье, создававший всю их глубину. Гёте нигдѣ не возражаетъ противъ оснований, приводимыхъ прежней зоологической школой въ пользу неизмѣнности видовъ, нигдѣ не разъясняетъ затрудненій, какія возникаютъ для эволюціоннаго ученія благодаря неполнотѣ палеонтологическаго архива — книги, по удачному сравненію Лайеля. Въмѣсто того, чтобы показать, по какому праву онъ оставилъ безъ вниманія эти огромныя препятствія, у него выискиваютъ мѣста, доказывающія, что онъ не считалъ установленнымъ школьнаго понятія о видахъ, — точно такъ же, какъ его превозносятъ за отверженіе конечныхъ причинъ, не упоминая о томъ, какъ же онъ безъ нихъ обошелся. Кто станетъ отрицать, что у Гёте составилось прекрасное, величественное, всеобъемлющее представленіе о природѣ, какъ цѣломъ, которую онъ пантеистически признавалъ одушевленной во всѣхъ своихъ частяхъ? Кто споритъ противъ того, что такой умъ, какъ онъ, въ иныхъ отношеніяхъ видѣлъ шире и дальше тѣхъ границъ, какія еще суживали тогда кругозоръ ученыхъ специалистовъ, разбиравшихся въ безпорядочной массѣ частныхъ? Но съ такою же увѣренностью можно утверждать, что чисто механическая конструкція міра, образующая современную науку, была бы не менѣе ненавистна веймарскому царю поэтовъ, чѣмъ нѣкогда *Система природы* — другу Фридрики. Гёте съ ужасомъ отвернулся бы отъ дарвинизма, примыкающаго черезъ первичное зароженіе къ канто-лапласовской теоріи, отъ происхожденія человѣка изъ хаоса путемъ извѣчно навѣки математически опредѣленной игры атомовъ, отъ ледяного конца міра — отъ этихъ картинъ, на которыя столь равнодушно смотритъ наше поколѣніе, подобно тому какъ оно привыкло къ опасностямъ желѣзнодорожной ѣзды.

Въ концѣ концовъ, что намъ за дѣло до этого, и что можетъ быть безразличнѣе вопроса о большей или меньшей цѣнности естественнаучныхъ занятій Гёте, наполнявшихъ лишь перерывы въ его поэтической дѣятельности? Конечно, эта много обсуждавшаяся сторона у высокаго таланта должна интересоваться всякаго образованнаго человѣка, и знакомство

съ ней облегчить пониманіе многихъ его поэтическихъ произведеній; но это значить поступать въ духѣ Гёте, если мы, даже въ ущербъ ему, опять прибѣгаемъ къ мѣркѣ, которая оказалась для него неподходящей. Какъ стихи Фридриха отступаютъ на второй планъ передъ его дѣянiями въ качествѣ полководца и правителя и даже передъ другими его заслугами на литературномъ поприщѣ, такъ и въ Гёте естествоиспытатель ступаетъ передъ поэтомъ, и пора бы, наконецъ, оставить перваго въ покоѣ, вмѣсто того чтобы постоянно возвращаться къ его чрезмѣрному восхваленію передъ не имѣющей своего сужденія толпой и вызывать отпоръ со стороны людей съ болѣе критическимъ направленіемъ.

Пѣвецъ столь многихъ восхитительныхъ пѣсень; творецъ столь многихъ, какъ строгихъ, такъ и прелестныхъ образовъ; то изящно-увлекательный, то мощно-захватывающій повѣствователь; возбуждающій сильное чувство живописецъ природы; глубокий знатокъ и умный совѣтникъ человѣческаго сердца; провозвѣстникъ жизнерадостнаго античнаго міросозерцанія; наконецъ, свободный высоко парящій духъ, не знавшій недостойныхъ оковъ и тѣмъ не менѣе соблюдавшій въ искусствѣ и жизни прекрасную мѣру, праведный безъ благочестія: вотъ тотъ Гёте, который вмѣстѣ съ Гомеромъ и Шекспиромъ всегда остается возлѣ насъ, и къ которому мы обращаемся какъ къ другу и въ хорошую и въ дурную минуту. Вотъ тотъ Гёте, которому каждый изъ насъ, хотя бы и безсознательно, обязанъ значительной частью самого себя, которому подобаютъ памятники, котораго чтятъ иностранцы, котораго будетъ помнить отдаленнѣйшее будущее, о которомъ мы стремимся узнать даже самыя ничтожныя подробности, и о величіи котораго не можетъ быть спора.

Правда, въ тридцатыхъ годахъ — это тяжелое время скрытаго политическаго броженія, незрѣлыхъ нововведеній въ литературѣ и искусствѣ, нетерпѣливаго протеста противъ всего традиціоннаго, также и противъ закоснѣлаго эллинизма недавно отшедшаго въ вѣчность умнаго старца-художника — тогда, дѣйствительно, было въ обычаѣ упрекать его за его

малое участіе въ политикѣ, за его аристократическій и не имѣвшій достаточно ярко выраженнаго національнаго характера образъ мыслей. Не могли простить ему того, что онъ, какъ бы воссѣдая въ духовномъ эфирѣ, былъ выше націй и партій, какъ и вѣроисповѣданій, и жилъ только вѣчными идеями; что какой-нибудь научный споръ въ Парижской академіи казался ему важнѣе іюльской революціи; что для него существовала только всеобщая литература.

Теперь, когда нѣмецкій народъ вполне достигъ того, что тогда было отдаленнымъ объектомъ стремленій, и сверхъ того приобрѣлъ могущество и почетъ, — теперь настало, быть можетъ, время для менѣе суровой оцѣнки такого направленія Гёте. Надо принять во вниманіе, что, если онъ и не принималъ участія въ великій борьбѣ своей эпохи, онъ все-таки способствовалъ побѣдѣ, поскольку онъ всю свою жизнь работалъ въ своей области въ пользу духовной свободы, и поскольку въ почитаніи его всѣ нѣмцы чувствовали себя единымъ народомъ. Надо понять, что поставленная ему въ упрекъ исключительная любовь къ идеѣ есть именно главная черта нѣмецкаго характера, давшая въ свое время блестящіе результаты. Точно такъ же и его равномерно распределенное на весь античный и современный культурный міръ расположеніе, его исключительно человѣческое сочувствіе къ выдающимся индивидуумамъ всякой національности то же представляютъ изъ себя нѣмецкую черту, которая до сихъ поръ выгодно отличала нашъ народъ отъ другихъ народовъ, знающихъ по большей части только себя самихъ, и сдѣлала Германію міровою гаванью, гдѣ находятъ себѣ пріютъ нагруженные духовнымъ богатствомъ корабли всѣхъ странъ.

Поэтическія произведенія Гёте, какъ неисчерпаемый родникъ общечеловѣческаго, иными словами — нѣмецкаго, воспитанія и какъ постоянно готовое средство для перехода изъ ограниченнаго пространства специально-научной повседневной работы въ царство вѣчной истины и красоты, должны бы быть настольной книгой всякаго нѣмецкаго студента. Для

всей же націи, чтобы и она осталась цѣлой, несмотря на всѣ перемѣны, да будутъ имѣть силу слова, съ которыми нѣкогда пророчески обратился къ себѣ самому ея поэтъ:

Блаженъ, что благоволеніе музъ
Объщаетъ тебѣ вѣчность:
Содержаніе въ твоей груди
И форму въ твоёмъ умѣ.

143

ТОГО ЖЕ ИЗДАТЕЛЯ

Проф. Геркнеръ. Алкоголизмъ среди рабочихъ Германіи. Ц. 15 к.

Э. дю-Буа-Реймонъ. Культурная исторія и естествознаніе. 1900. Ц. 35 к.

Э. дю-Буа Реймонъ. О границахъ познанія природы. — Семь міровыхъ загадокъ. 1900. Ц. 35 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Виндельбандъ. Исторія и естествовѣдѣніе.

Складъ изданія:

Москва, Смоленскій слѣпой рынокъ у Н. В. Синюшина, соб. домъ.